

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

СМЕРТЕЛЬНЫЕ
ЧАРЫ

Владимир Григорьевич Колычев

Смертельные чары

Серия «Колычев. Мастер криминальной интриги»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6203298

Колычев В. Г. Смертельные чары : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66508-2

Аннотация

Недалеко от элитного подмосковного поселка, в реке, был найден труп успешного бизнесмена Александра Голикова. Капитан Федор Старостин – местный участковый – провел предварительное расследование и пришел к выводу, что бизнесмена, скорее всего, убила его собственная жена Надежда. Капитан принял решение о заключении Надежды под стражу, но уже через несколько дней женщину пришлось отпустить, так как все подозрения относительно ее причастности к убийству рассеялись. В поселке были найдены тела еще двух мужчин, причем убиты они были тем же способом, что и Александр Голиков. Совершить эти преступления Надежда не могла – находилась под стражей. А значит, жестокий убийца – кто-то другой...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	45
Глава 5	54
Глава 6	67
Глава 7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Владимир Колычев

Смертельные чары

Глава 1

Мутно-белые облака медленно ползут по небу, то раздуваясь, то съеживаясь по воле ветра. Они могут исчезнуть или превратиться в темные, насыщенные влагой тучи, пролиться дождем, а затем высохнуть без следа. Это все природа, где любое изменение по форме и содержанию закономерно. Одни облака исчезают, другие появляются – и так до бесконечности.

Лето на носу – деревья наряжаются в зеленые мундиры, но с наступлением осени они сбросят парадные одежды и закутаются в снежные пледы – так им будет легче пережить холодную зиму. Но не всем порождениям леса суждено пройти по этому кругу в очередной раз. Высокой березе, состаренной временем и борьбой с короедами, пришло время умирать. Ослабла она, потому и не выдержала порыва ветра – сломалась, иссушенной своей кроной склонилась над рекой. Умрет это дерево, исчезнет, но на его месте вырастет новое, и лес будет жить дальше. Таковы законы природы. И умрет кабан, что питается желудями со старого дуба, господствующего на взгорке за рекой. И сам дуб когда-нибудь исчезнет,

уступив место своему наследнику...

Ничто не вечно. Умирающая береза, трупы не переживших зиму животных – все это естественно, а потому не безобразно. И лежащий на траве человек – такое же явление природы, его труп тоже мог сам по себе гнить в земле. Но человек живет не только по законам природы. Его смерть противоестественна, потому что существуют еще и законы общества. И по этим законам тело полагается предать земле по всем правилам погребальной науки. Но, главное, общество требует разыскать и наказать убийцу...

Человека сначала убили, а потом уже сбросили в реку, течение которой несло его, пока не прибило к берегу. Возможно, его убили, когда он уже находился в воде. Но это вряд ли. Спортивный костюм на нем, куртка – в такой одежде купаться не ходят. И с берега не ныряют.

А ведь он мог неудачно нырнуть. В принципе, могло так случиться – нырнул, а на речном дне лежал обломок строительной плиты с торчащим из нее арматурным прутом. Как раз именно такой вот прут и воткнули ему в шею – под острым углом к вертикальной осевой линии. Даже ворот куртки опускать не надо, чтобы увидеть, насколько глубока вымытая водой рана. Да и кровь на одежде исключала версию с нырянием. Ее бы тоже вымыло водой, если бы штырь вонзился в шею на дне речном. А не вымыло. Потому что натекла она на берегу и успела впитаться в материю...

Кряжистый мужчина с высоким лбом и тяжелыми надбро-

вьями на короточках сидел перед трупом, рассматривал рану и мял в руках сигарету. Покойник весил немало, никак не меньше ста килограмм, поэтому пришлось потрудиться, вытаскивая тело из воды. Устал мужчина, а перекур – не самый плохой способ перевести дыхание. Но сначала он поднялся на ноги, отошел от покойника на шаг-другой и только тогда чиркнул зажигалкой.

– А водичка сейчас не очень, – сказал он, выпустив тугую струю табачного дыма. – Холодно еще купаться.

– Может, с лодки скинули? – предположил его подчиненный, высокий худощавый парень лет двадцати пяти.

– Не похож он на рыбака.

Федор Старостин служил в милиции в должности старшего участкового уполномоченного. Труп обнаружила поселковая ребятня – рыбу ловить пацаны ходили, а поймали покойника. Пашка Уткин у них там заводила, трепло тот еще, поэтому Старостин сразу в райотдел звонить не стал. Но сейчас никаких сомнений – труп налицо, причем криминальный. Надо звонить в отдел, пусть присылают следственно-оперативную группу, но Старостин не торопился доставать телефон. А куда торопиться? Сутки как минимум труп в воде пролежал и еще пять минут лишних пролежит. Да и что такое для покойника пять минут, когда впереди целая вечность небытия?

– Костюм у него дорогой. «Пума», и вряд ли китайская. А если китайская, то хорошего качества. В такой одежде на

рыбалку не ходят, – покачал головой Старостин.

– Ну, если с пристани рыбачить, чисто для интереса... Может, он с левого берега? – предположил Ольгин.

Поселок Подречный состоял из двух участков, один из которых обслуживал капитан Старостин, а другой – лейтенант Ольгин. Но Старостин помимо своего участка возглавлял еще и территориальный пункт милиции, поэтому Ольгин ему подчинялся по долгу службы и в соответствии со штатным расписанием. Их было двое на деревню Подречную и отколовшийся от нее совхозный поселок с тем же названием. Но им же пришлось взять на себя и гораздо более новое образование – коттеджное поселение на противоположном от поселка берегу. Его так и называли – «Левый берег». Или просто – элитный поселок.

– Не помню такого, – покачал головой Старостин.

Лицо у покойника уже стало распухать, но опознать его еще можно. Тому, кто знал его. А Старостин впервые видел этого человека.

Лет сорок пять потерпевшему, грузный, округлое лицо с мягкими чертами, подбородок жирный, двойной. Холеной внешности был мужчина – пышный, цветущий. Был...

– Ну, может, недавно поселился, – пожал плечами Ольгин. – Или в гости к кому-то приехал...

– В гости?.. Ну, может, и в гости.

– Выпил, вышел на пристань, свалился в реку...

– Или нырнул. С пристани.

Старостин каблуком взрыхлил землю на тропинке, положил окурок в ямку, прикопал его подошвой и сунул руку в нагрудный карман полушерстяной форменной куртки, где у него лежал мобильный телефон.

Это его земля, и здесь он хозяин, поэтому сам не мусорит и другим не дает.

Он не временщик на этой земле. Его предки основали Подречный, руководили деревенской общиной на протяжении веков. После революции в деревне организовали совхоз, крестьяне стали работать на государство, получая за это зарплату. А общинный дух как был, так и остался. И после того как Союз развалился, совхоз в Подречном никуда не делся. Пусть это уже и не советское хозяйство и люди работают на сельхозкапиталиста, а не на государство, но дела как раньше, так и сейчас идут вполне успешно. И живут люди хорошо, потому что умеют работать. А почему так? Да потому, что старые общинные устои все еще в ходу. Пьешь, бездельничаешь, колотишь жену – понимания не жди. Что трус-предатель, что алкаш-тунеядец – для подреченцев одно и то же, и к тем и другим отношение одинаковое. Потому и не спиваются в Подречном мужики, потому и работа движется. Выжила деревня в нелегкую пору дикого капитализма, когда соседние поля травой зарастали...

Старостин связался с районным начальством, в нескольких словах обрисовал ситуацию и получил указание встретить следственно-оперативную группу, чтобы проводить ее

к месту.

– Здесь останешься, Миша. А я в участок.

Именно туда должна была подъехать группа, оттуда он и сопроводит к месту... К месту, где был обнаружен труп. А вот интересно, где находится место преступления? Где произошло убийство?

Золотоносное дыхание Москвы чувствовалось и здесь, в семидесяти километрах от нее. Именно этим дыханием занесло в Подречную «семена», из которых на берегу реки выросли богатые особняки. Не так уж и много их, всего четырнадцать домов, пять из которых в разной степени достройки. Но занимали эти строения чуть ли не такую же площадь, как совхозный поселок. Места здесь красивые – река, леса, аккуратно возделанные поля, но земля стоила относительно недорого, поэтому новые хозяева жизни позволяли себе покупать участки в один-полтора гектара. Мало того, сюда входила и прибрежная полоса, что не допускалось законом. Старостин пытался с этим бороться, но ему очень быстро дали понять, что в такие дела лучше не лезть. Он мужик упертый, но как-то неприлично в его тридцать восемь лет ходить в старших лейтенантах, а дело зашло так далеко, что с его погон могли снять по звездочке. В общем, он отступил, но злость осталась.

И еще ему не нравилось, что этот участок на левом берегу реки входил в зону его ответственности. Старая деревня по

своим размерам немаленькая, совхозный поселок еще больше, и если приплюсовать к этому коттеджную застройку, то в подчинении у Старостина точно должно работать два участковых. Только вот расширения штатов не предвиделось...

Но больше всего Старостин злился на хозяина большого белого дома с круглым, в два этажа, эркером под черепичной крышей. Господин Шадрин еще три года назад стал ухлестывать за его женой и в конце концов добился своего. В принципе, Федор сам во всем виноват. Валентина застучала его в объятиях продавщицы сельмага, забрала сына и ушла к матери. Старостин должен был идти к ней на поклон, вымаливать прощение, но гордость ему не позволила. Зато старый хрыч Шадрин не постеснялся сыграть на его семейной проблеме. Ушла к нему Валентина, а Федор чуть не попал под следствие – за причинение вреда здоровью. Не сдержал он тогда своих чувств, так врезал мужику, что челюсть ему в двух местах сломал. Шадрин сначала заявление в райотдел отвез, а потом забрал – как бы в знак примирения. Дескать, мы квиты...

В общем, не нравилось Федору это поселение, поэтому он и рад был бы обходить его стороной, да не мог, долг службы не позволял. Заселилась семья в отстроенный дом, нужно съездить на место, посмотреть, что за люди, навести о них справки – вдруг беглые какие-то. Как-то пьяная драка между соседями случилась, пришлось приезжать, вмешиваться. А, в общем, спокойно тут. Вернее, видимость спокойствия.

Заборы высокие, и не видно, что за ними творится.

Небедные люди здесь живут, и если они не акулы бизнеса, то уж точно не пескари. А жить среди хищников трудно: не так что-то сделал – получи удар в спину. Так что неудивительно, если утопленник – житель этого новорусского поселения, где все дома имеют прямой выход к реке и в каждом дворе есть пристань, с которой человек запросто может свалиться в воду – как живой, так и новопреставленный.

Из совхозного поселка дорога тянулась через деревню, дальше она выходила на мост и, сворачивая вправо, шла до самого райцентра. От этого же моста, но уже влево ответвлялась дорога, вдоль которой и расположились элитные дома. Слева, вдоль реки – коттеджи, справа – поля, засеянные пшеницей. Последние несколько домов строились прямо в березовой роще, которую лишь проредили, но полностью не вырубili. Во дворах этих особняков деревья растут настоящие, не доморощенные. И сын Федора там растет. Восемь лет Гоше, и уже полтора года он живет в чужой семье...

Федор подъехал к поселку на своем «Хантере». Отечественный внедорожник, неприхотливый и недорогой в эксплуатации, надежный и с хорошей проходимостью – что еще нужно сельскому менту? За воротами большого красивого дома из светло-желтого кирпича стоял «Порше», но Старостина это мало смущало.

Куда больше его смущала хозяйка дома. Это была красивая статная женщина примерно одного с ним возраста. Ва-

лентина лет на десять ее моложе, но и она не выглядела так хорошо, как Надежда Максимовна. Красота у нее не простая, а благородная, аристократическая, и обаяние холодное, нордическое. Если бы Федор был художником, он обязательно бы списал с нее образ Снежной королевы – нет, не ледяной и бездушной, а милой, но совершенно неприступной. И недоступной.

Старостин нажал на кнопку домофона с вмонтированным в него видеоглазком. Чуть выше на кирпичном столбе была установлена видеокамера посерьезней, с более широким обзором.

Он ожидал услышать голос хозяйки по динамику, но вдруг открылась калитка и появилась она сама.

Насколько он знал, Голикова жила одна, но у нее были помощницы по дому, как она их называла. Не горничная и кухарка, а просто помощницы. И при всей своей внешней холодности она относилась к ним с теплой учтивостью, хотя до фамильярности не опускалась. Женщины помогали ей управляться с большим домом и содержать в порядке огромный участок. И она сама не сидела сложа руки, хотя и не особо увлекалась физическим трудом. Федор многое знал о ней, но лишь из личного интереса. Ну, нравилась ему эта женщина.

Старостин отвлек ее от какой-то работы с землей. На одной руке у нее перчатка, испачканная черноземом, другую она сняла перед тем, как открыть калитку. Клумба возле до-

ма, цветы на мостовой в пластиковых горшках, пакеты с землей. Видимо, их Надежда Максимовна и высаживала. Но почему она одна? Где помощницы?

– Здравствуйте, – вроде бы рассеянным, но на самом деле внимательным взглядом посмотрел на нее Федор.

Даже сейчас, в процессе садовой работы, она выглядела как аристократка, прогуливающаяся по своему родовому поместью. Волосы уложены в прическу, свежий макияж на лице, белая кофта из ангорки, нарядная юбка в тон ей. И на всей одежде ни единого темного пятнышка, хотя перчатки в грязи.

– Здравствуйте, товарищ капитан.

Старостин познакомился с ней осенью прошлого года. Это она велела своей горничной позвонить в милицию и сказать, что в соседнем дворе слышна ругань. Тогда еще не было драки, но Надежда Максимовна предсказала ее. Так оно и случилось, и, нужно сказать, Федор подъехал вовремя. Соседские гости сначала переругались спьяну, затем стали выяснять отношения на кулаках, еще бы чуть-чуть, и дело дошло бы до травматического огнестрела. А у хозяина еще и охотничье оружие имелось...

Но знакомство их далеко не зашло, хотя Федор и не прочь был развить с ней отношения. Он-то хотел, но Надежда Максимовна повода не давала, правда, и не ограждалась от него стеной неприязни. Она вроде бы и вежливой была с ним, но кокетства не допускала даже в мыслях и на его намеки со-

вершенно не реагировала.

К тому же он и сам не особо настаивал на продолжении знакомства. Не та она женщина, с которой можно «матросить», а серьезные с ней отношения – не для него. Во-первых, она богатая. Во-вторых, богатая. И в-третьих, опять богатая. Нет, классовая ненависть здесь ни при чем, но быть сожителем такой женщины он не мог. Острые языки его точно на смех поднимут. То, что жена ушла к «новому русскому» – к этому в деревне отнеслись, как ни странно, с пониманием. Может, и сплетничают где-то по углам, но громкой волны нет. А вот если он станет жить с Голиковой, ему этого точно не простят. За красивой жизнью, скажут, подался. И тут же припомнят Валентину, чтобы поперчить пересуды.

Да и не захочет Надежда Максимовна жить с ним. Но это уже другой разговор.

– Вот, езжу тут, смотрю. Щебень у вас тут насыпан.

Гранитный щебень, дорогой. Кубов пять-шесть, не меньше. И еще кубометра полтора-два из кучи уже выбрано.

– Да вот, привезли, – пожалала она плечами. – Не так меня поняли, поэтому целый самосвал привезли. Мне так много не надо...

– А цемент?

– Что, простите, цемент?

Федор сдержал мрачную усмешку. Что, если щебень ей нужен был для бетона, в который собирались закатать труп? Тот самый труп, который он сегодня обнаружил. Пока соби-

рались, тело свалилось в реку и поплыло вниз по течению...

– Цемент привезли?

– Зачем? Мне вокруг клумбы надо было выложить, не нужен мне цемент.

Действительно, клумбу окружала дорожка из щебня, видно, для того, чтобы трава к ней близко не подступала. Так делают – берут черную непроницаемую для света пленку, кладут ее на землю, сверху присыпают щебнем.

– А где ваши помощницы?

– Так они дорожку и делали, а я всего лишь цветы сажаю.

Надежда Максимовна смотрела на гостя спокойно, не заметно было внутреннего смятения в больших красивых и чуть раскосых глазах, но все-таки ему показалось, будто она оправдывалась. Может, все-таки решила, что Старостин злорадствует?

– А щебень я уберу, – сказала она с некоторой поспешностью.

– А разве я говорил, что надо убрать щебень? – вроде как удивился он.

– Ну, вы же следите за порядком на прилегающей, так сказать, территории.

– Кто вам такое сказал?

– А разве нет?

У Надежды Максимовны работали женщины из Подречной, и одна из них приходилась Федору троюродной сестрой. Она-то и могла рассказать ей про него. Если, конечно, На-

дежда Максимовна интересовалась им. А вдруг? Он же спрашивал про нее у Катерины.

– Ну, это в деревне.

– А мы разве не деревня?

– Ну, в каком-то смысле, да.

– Может, вы во двор зайдете?

– Не откажусь.

До моста недалеко, метров триста-четырееста, и с дежурным следователем Федор был на связи. Группа из района должна была подъехать минут через двадцать, у него еще было время. Проблема в том, что за это время он хотел бы обойти всех элитных жильцов или хотя бы часть из них. Но и от приглашения он не мог отказаться.

Надежда Максимовна жила одна, вдруг она сейчас как никогда нуждается в мужском участии в своей личной жизни? В кратковременном, сиюминутном участии, без далеко идущих последствий. Федор мог бы договориться с ней, а вечером заехать на часок-другой... Служба службой, а женщины – по мере поступления...

Порядок во дворе. Трава на газоне скошена, дорожки подметены, щебень вокруг клумбы аккуратно уложен, осталось только цветы посадить, вернее, закончить начатое. Гипсовая беседка во дворе – шестиколонная, с круглой крышей и ограждением из фигурных столбиков. Но это сооружение возведено было уже давно, в период общего строительства. Скамейка здесь деревянная, мраморный столик, бутыл-

ка минеральной воды на нем, стакан. Один-единственный стакан. Губы у Голиковой накрашены, но помада из тех, что не оставляет следы на посуде. И все-таки жирные следы от губ на стакане заметны.

– Водички выпьете? – спросила она, заметив его интерес к стакану.

– Ну, можно.

– Я сейчас.

Она сняла перчатку, на ходу бросила ее на пустой пластиковый горшок от цветка, зашла в дом. За чистым стаканом отправилась. Старостин не стал терять время зря – обошел передний двор. Вдруг где-то на садовой, мощенной гранитом дорожке обнаружатся следы крови?.. Но не было ничего такого. Гараж под домом большой, минимум на три машины, но ворота закрыты, и не видно, сколько там чего. «Порше» у Голиковой и спортивный «Мерседес». Про эти машины Федор знал. Но, может, есть еще и третий автомобиль, на котором приехал к ней мужчина, чей труп сторожит сейчас Ольгин?

Глава 2

Неплохо было бы обследовать задний двор, спуститься вниз к реке, осмотреть пристань, но на это уже не было времени. Надежда Максимовна принесла стакан, поставила его на стол, села на дубовую скамью с кованым основанием.

– Хорошая у вас беседка, удобная, – произнес Старостин, усаживаясь по другую сторону стола.

– Отдыхать очень хорошо, – кивнула она, думая о чем-то своем.

– Ну, вид у вас не уставший.

– Я и не устаю. Для удовольствия работаю.

– Я так и понял... Значит, Катерины и Нины нет?

– Нина уже не работает, а Катерину я отпустила.

– Вы же сказали, что дорожку вокруг клумбы помощницы ваши делали. Помощницы, а не помощница.

– Когда они ее делали? Недели три назад. Нина уже успела уволиться. Новую помощницу буду искать.

– Но пока работаете сами.

– Я же сказала, для удовольствия, – начала раздражаться Голикова.

Не нравилось ей любопытство участкового, но ведь она сама пригласила его к себе во двор. Зачем? Почему? Что ее тревожит?..

– А Катерину давно отпустили?

– Позавчера. Она с простудой пришла, я решила не рисковать. Вдруг это грипп?

– Ну, пик этого дела давно уже миновал.

– Заболеть и у подножья можно. А мне это ни к чему.

– Значит, Катерины нет, и в доме вы одна?

– Одна. А что?

– Да скучно одной, наверное?

– Компанию хотите составить? – насмешливо спросила Надежда Максимовна.

– Ну, я бы не отказался, – прямо, без всякой иронии посмотрел на нее Старостин. – Женщина вы интересная. Даже более чем... Красивая женщина, и одна.

– Почему одна? У меня есть муж.

– В паспорте, да. А как там на самом деле – это не мое дело.

– Вы абсолютно правы, это не ваше дело. Но муж в основном по паспорту. У него другая женщина, он с ней живет в Москве, а я здесь, на выселках... Ваше любопытство удовлетворено?

– А я показался вам любопытным?

– Но вы же не зря сюда пришли.

– Может, я пришел из личного интереса?

– Так я для вашего личного интереса и говорю, – как-то не очень убедительно сказала она.

Голос у нее звучал ровно, без перепадов напряжения, не дрожал, как это бывает от волнения. Но все-таки угадыва-

лась в нем какая-то тревога.

– И давно к вам приезжал муж?

– Приезжал, – внутренне напряглась Голикова.

– Когда?

– В субботу приезжал.

– В эту?

– В эту.

Беспокойство ее усиливалось, но при этом она старалась держать себя в руках, и у нее это неплохо получалось. Но у Федора особый взгляд, ментовской: чуткий, проницательный, от него трудно скрыть чувства. С ним или правду говорить надо, или актерским талантом обладать.

– И где он сейчас?

– В Москве. Вчера утром уехал.

– В субботу приехал, а в воскресенье утром уехал, так получается?

– Да, так и получается. А что здесь такого? – непонимающе нахмурилась Надежда Максимовна.

– Да нет, ничего... Он один приезжал, без своей женщины?

– Вам какое до этого дело?

– Ну, я же здесь участковый, мне все интересно. Может, у вашего мужа возникли проблемы с законом, и поэтому он решил спрятаться здесь? Места у нас красивые, но глухие. Ну, по сравнению с Москвой...

– У моего мужа нет проблем с законом.

– Да, но спросить я должен был.

– Вам, наверное, уже пора? – Это был даже не намек, а требование.

Раздражение дошло до точки кипения, поэтому Голикова показала Федору на дверь. Вроде бы ничего такого здесь нет. Но все-таки, зачем она пригласила его к себе? Что хотела узнать?

– Да, вы угадали. Работа, работа... Что-то много работы в последнее время, – и он красноречиво посмотрел на нее, поднимаясь со своего места.

– Ничем не могу помочь.

– А вдруг?

– Что вдруг?

– Вдруг сможете помочь? У вас есть фотография вашего мужа?

– Фотография моего мужа?! Зачем это вам? – вроде как удивилась Голикова.

– Да вот, на идиота посмотреть захотелось. Только идиот мог бросить такую женщину, как вы. – Старостин смотрел на нее с оттенком лукавой иронии во взгляде, но голос его звучал совершенно серьезно.

– Что-то вы не то говорите... – встревоженно покачала головой Надежда Максимовна. – Может, скажете, что случилось?

– А что-то могло случиться?

– Не знаю... Вам фотография нужна? Сейчас.

На этот раз Федор не выходил из беседки. Сначала надо узнать, как выглядел муж Голиковой, а потом уже напрягать себя серьезной работой. Если, конечно, возникнет необходимость.

А такая необходимость возникла. Голикова принесла фотографию мужчины, в котором Старостин узнал покойника.

– Это ваш муж? – скрывая свое ликование, спросил он.

Если при потерпевшем нет никаких документов, то установить его личность – дело не самое простое. Но Федору повезло. Только вот радоваться еще рано.

– Да, мой муж. А что такое? – разволновалась женщина.

– Значит, вчера утром он уехал в Москву?

– Да, уехал.

– И вам не позвонил, что доехал?

– Нет, не позвонил.

– И вас это не удивляет?

– Нет. Мы расстались не очень хорошо.

– А вас, Надежда Максимовна, не удивляет, что я задаю такой вопрос? Откуда я знаю, что ваш муж вам не позвонил?

– Откуда вы знаете? – встрепелась женщина.

– Знаю.

Не спуская с Голиковой глаз, Старостин достал телефон и позвонил следователю Снегову, который уже должен был вместе с группой подъезжать к мосту.

– Где ты там, Валерий Павлович?

– Минут через пять будем. Можешь навстречу выезжать.

– Я тут личность потерпевшего установил. В доме у его жены нахожусь. Это в нашем элитном поселке, в первом доме от моста. Я сейчас там. Если тебе интересно, буду ждать тебя здесь. Если нет, еду к мосту...

Старостин уже успел предупредить следователя, что потерпевшего прибило к берегу, а это значит, что его могли убить где-то в другом месте, а не там, где был обнаружен труп. Возможно, это произошло в доме его законной супруги.

– Калитку откройте, Надежда Максимовна, гости к вам, встречать их надо, – с искренним сожалением в голосе попросил Федор.

Были у него подозрения на ее счет, но вдруг кота все-таки надо искать в другом мешке? Если так, то ни к чему обижать женщину пока еще не обоснованными обвинениями. Река до определенного момента текла в сторону Замятска, куда и направлялся Голиков. Его могли остановить по пути в Москву неизвестные, убить, а тело выбросить в реку. Машина у него наверняка дорогая, грех такую не угнать. По возможности. А может, именно за ней и охотились злодеи.

– Гости?! Какие гости?!. Может, вы все-таки объясните, что происходит? – не на шутку всполошилась женщина.

– Произошло. Уже произошло.

– Что произошло?!

Расшалились у Голиковой нервы. Чувствует она, что произошло непоправимое. Да и как не чувствовать, если Федор

назвал ее мужа потерпевшим? Но ведь она и до этого могла знать, что с ним случилось. Чувствуется фальшь в ее реакции на происходящее. Возможно, ему так только кажется, но ведь на то и существует розыск, чтобы выводить преступников на чистую воду. Капитан Старостин хоть и не оперативный, но все-то уполномоченный, и он имеет полное право участвовать в розыскных и следственных мероприятиях. К тому же он тоже когда-то был опером и знал сыскное дело.

– Ваш муж погиб. Его убили...

– Как убили?

– Будем выяснять.

– Вы меня в чем-то подозреваете? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Я вам разве это говорил? – удивленно повел бровью Старостин.

– Нет, но вы на меня так смотрите.

– Как смотрю?

– Плохо смотрите. Мне совсем не нравится ваш взгляд.

– Вам не нравится мой взгляд. А больше вас ничего не волнует? Или вы знаете, что ваш муж погиб?

– Я знаю?! – вскинулась Голикова. – Не знаю я! И то, что вы говорите, это неправда!

– Это неправда, но я вас подозреваю. Странная логика, вы не находите? – сдерживая усмешку, спросил Федор.

Он взял ее под руку и вместе с ней вышел за ворота. Ему нужно было встретить следственно-оперативную группу, а

оставить Голикову без присмотра он не мог.

– Какая логика?! Я не вижу здесь никакой логики!.. Вы приходите, спрашиваете у меня фотографию, потом я узнаю, что моего мужа нет... А если бы я показала вам другую фотографию?

– Но вы же показали мне фотографию своего мужа. Фотографию человека, труп которого сейчас лежит в лесу под присмотром лейтенанта Ольгина... Успокойтесь, Надежда Максимовна, и постарайтесь собраться с мыслями.

– Хорошо, перестаньте меня обманывать, и я успокоюсь, – кивнула она, делая вид, что пытается сосредоточиться.

– Я вас не обманываю, ваш муж действительно мертв.

– Да? Тогда покажите его! Тогда я поверю!

– Постарайтесь сделать так, чтобы я поверил в вашу невиновность, – покачал головой Федор.

– В мою невиновность? – оторопело глянула на него Надежда Максимовна. – Значит, вы меня в чем-то подозреваете?

– Кто видел, как ваш муж вчера уезжал в Москву? – спросил он, глядя на подъезжающую машину со следственно-оперативной группой.

– Кто видел?.. Так, дайте собраться с мыслями...

– Собирайтесь.

Старостин подошел к вышедшему из «Газели» следовательно. Это был среднего роста сухопарый мужчина с узким лицом синюшного цвета и большим кадыком на тощем горле.

Снегов не злоупотреблял спиртным, более того, даже никогда не увлекался, но лицо у него такое, будто он месяцами не просыхал. Районное начальство знало, что спиртное здесь ни при чем, а областное – не верило в это и считало Снегова бытовым алкоголиком. Дескать, на работе не пьет, но дома «закладывает на всю глубину горла». Во всяком случае, так рассказывали Старостину.

– Ну, что там у тебя? – спросил Снегов, пожав протянутую руку.

– Труп там, сразу за Колючкой... – махнул рукой вдоль реки Старостин.

– Где?

Колючкой назывался ручей, впадавший в реку. Вода в этом ручье даже в жаркое лето была холодной, потому его и называли Колючкой.

– В шести километрах отсюда, вниз по реке, – пояснил Федор.

– К берегу прибило?

– Прибило.

– А может, там и погиб?

– Вряд ли. Хотя все могло быть. Я сказал Ольгину, чтобы ничего там не трогал...

– Неужели это все правда? – ахнула вдруг Надежда Максимовна и рукой взялась за кирпичный столб, на котором держались ворота.

Предобморочное состояние у нее, только краска поче-

му-то не сошла с лица. Может, и пытается она иметь бледный вид, но что-то не очень это у нее получается.

– Я так понимаю, это жена потерпевшего? – обращаясь к Старостину, спросил следователь.

– Жена. Голикова Надежда Максимовна. А вот как мужа зовут, пока не узнал...

– Александр... Александр Витальевич его зовут. Голиков Александр Витальевич... Но его не могли убить! Этого не может быть! Это не его труп!

– Ну, может, я обознался, – пожал плечами Старостин.

– Да, скорее всего...

– А в чем вчера уезжал ваш муж?

– В спортивном костюме.

– Синий с белыми полосками?

– Да, синий с белыми полосками.

– «Пума»?

– На фирму не обратила внимания...

– Но синий с белыми полосками костюм был? – спросил Снегов.

– Был... – кивнул Федор. – Он это, он... Я думаю, гражданка Голикова может поехать с нами.

Интуиция подсказывала ему, что Надежду Максимовну нельзя оставлять без присмотра. Как бы не уничтожила она следы преступления. Может, уже пыталась это сделать, но не совсем удачно. Вдруг со второй попытки у нее это получится?..

Глава 3

Погода испортилась, стал накрапывать дождь, но Голикова этого не замечала. Она смотрела на труп мужа стеклянными глазами, в глубине которых мелькали кадры из прожитой с ним жизни. А там не один год, и даже не десять лет, возможно, гораздо больше.

Снегов не один, с ним криминальный эксперт, и они заняты трупом. Описывают его, обследуют место вокруг – работы много. И еще лейтенант Ольгин им помогает. Будь с ними судмедэксперт и опер, было бы проще, но, видно, не все в порядке в райотделе, если следственно-оперативная группа такая несерьезная.

– Давно вы замужем? – спросил Старостин.

Разумеется, Голиковой не избежать разговора со Снеговым, но это будет потом, а сейчас она в полном распоряжении Федора. У него задача самая простая – держать под наблюдением место осмотра и следить за женой покойного.

– Шестнадцать лет. С девяносто четвертого, – сдерживая эмоции, ответила она.

– Лихие девяностые?

– Ну, может, для кого-то и лихие, а для нас спокойные... Самые спокойные. Не было этих бешеных денег. Не было этих молодых сучек, которые охотятся за толстыми кошельками...

– И как зовут эту... гм, с вашего позволения, сучку?

– Эльвира... Саша ей дом на Рублевке построил. Я здесь, а он там, с ней.

– Был там. А сейчас он здесь, – кивнул Старостин на труп.

– Здесь, – механически повторила Голикова.

– А Эльвира осталась с носом. Или она оформила отношения с Александром Витальевичем?

– Оформила отношения?... Нет, не оформила. Но собиралась. Он же... – Надежда Максимовна запнулась и приложила ко рту кулак.

– Что, он же? – подхлестнул ее Старостин.

– Я сейчас скажу вам такое...

– Говорите.

– Нет, не скажу, – до хруста в шейных позвонках мотнула она головой.

– Почему?

– Вы подумаете, что это я его убила.

– Почему я так подумаю?

– Потому что мы не заключали с Сашей брачный контракт. А с Эльвирой он собирался заключить такой контракт. Но сначала он должен был развестись со мной. Он приехал за разводом... Я дала согласие, мы обговорили условия... Он оставляет мне дом здесь, квартиру в Москве, ну, деньги... Серьезные деньги... Это действительно очень серьезные деньги, мне бы хватило их до конца жизни...

– Еще бы и детям осталось.

– У нас нет детей! – встрепенулась она, большими глазами посмотрев на Федора.

– Ну, так обычно говорят. И на жизнь хватит, говорят, и еще детям останется...

– У нас не было детей. И в этом была наша беда. – Надежда Максимовна продолжала смотреть на Старостина, но взгляд ее затухал, туманился, она погружалась в прошлое. – У меня ничего не получалось, мы думали, что это Сашина беда, а дело оказалось во мне. Эльвира родила от него, поэтому он собирался жениться на ней... Может, и не от него родила... Да это уже не имеет значения...

– Ну, в общем, да, – кивнул Федор. – Да и дети – это ваша личная проблема. А то, что вы остаетесь наследницей вашего покойного мужа... Или я не так что-то понял?

– Нет, вы поняли все так, – возвращаясь в действительность, пугливо посмотрела на него Надежда Максимовна. – Я должна унаследовать его состояние... Дело в том, что он категорически отказывался составлять завещание.

– Почему?

– Бзик у него такой, предубеждение. Он считал, если составить завещание, обязательно что-то случится... Но случилось и без завещания! И вы теперь будете думать, что это я его убила. Из-за наследства.

– Увы, такая версия имеет право на существование.

– Но я не убивала!

– Вот поэтому я и прошу вас доказать мне, что не вы это

сделали.

– Как я могу это доказать?

– Соберитесь с мыслями.

– Да, да... У меня была мысль... – закивала Голикова. –

Во дворе установлена система видеонаблюдения, там должна быть запись, как он уезжал...

– И какая цикличность?

– Цикличность?

– Ну, когда стирается запись?

– Через трое суток.

– Значит, бояться вам нечего. Ваш муж выехал со двора, вы проводили его, закрыли за ним ворота.

– Дело в том, что ворота закрылись сами, – покачала головой Надежда Максимовна. – Я не выходила его провожать. И он выехал прямо из гаража...

– А в самом доме системы видеонаблюдения нет?

– Нет. Это лишнее...

– Если нет, ничего страшного. Ваш муж уехал, вы остались дома. Если вы оставались дома, то вам неоткуда было и возвращаться. Вчера вы выходили во двор?

– Да, конечно.

– Вот дойдем до этой записи, и дальше уже смотреть будет нечего. Если, конечно, вы не возвращались.

– Откуда?

– Вот и я думаю, что неоткуда... А на задний двор камера выходит?

– На задний двор?... Да, конечно...

– И пристань видна?

– Нет, пристань не видна, там забор перед ней.

– Но Александр Витальевич туда же не ходил?

– Когда?

– Ну, перед тем как погибнуть... Теоретически его могли убить на пристани. Подойти сзади, ударить... Чем его могли ударить?

– Чем его могли ударить? – вскинулась Надежда Максимовна. – Все-таки вы думаете, что это я?

– Нет, я так не думаю, но все может быть... Хотя вряд ли.

– Почему?

– Ну, река у нас широкая... – вслух подумал Старостин. – Но не везде. У моста сужение... И еще излучина у поворота на Замятск...

Действительно, если бы труп сплавлялся вниз по реке сам по себе, он бы прибил к мосту или застрял на отмели в районе излучины.

– У вас есть лодка?

– Лодка?... Да, есть...

– Вы рыбачите?

– Нет, это не мое. А Саша рыбачил... Мы когда этот дом достраивали, он еще со мной жил. Даже лодку купил. Дом еще не достроили, а он уже купил. Пристань поставил, гараж... А что?

Старостин промолчал. Лодку нужно будет осмотреть. Что,

если Надежда Максимовна вывезла труп на лодке?..

Нравилась Федору эта женщина, не хотел он, чтобы она оказалась убийцей, но, увы, доверия к ней уже не было.

– Я не знаю, я думала, что запись идет, – приложив ладони к щекам, качала головой Голикова. – А она, оказывается, вхолостую работает...

Театр одного актера в действии – спектакль продолжается.

Видеосистема работала, изображение с камер выводилось на монитор, но изображение на цифровой носитель не записывалось, и Надежда Максимовна очень этим была удивлена. Но фальшь в ее поведении невозможно было не заметить. Старостин с упреком смотрел на нее. И в глазах у Снегова подозрение.

– Вы не возражаете, если я заберу видеоблок на экспертизу? – вежливо спросил он.

– Ну, если нужно...

– И еще мы хотели бы осмотреть гараж и лодку. Автомобильный гараж, – уточнил Снегов.

– Да, конечно, – с готовностью откликнулась Голикова.

В гараже стояло только две машины «Порше», и обе принадлежали ей.

– На чем приезжал ваш муж? – осматривая гараж, спросил Снегов.

– «Мерседес» у него был, «М-класс». Все-таки дорога здесь не самая лучшая, лучше всего внедорожник...

– Чем занимался ваш муж?

– Бизнес у него.

– Какой? – настаивал следователь.

– Строительные заводы. Ну, и само строительство... Там целая индустрия.

– Много заработал?

– Очень.

– Охрана у него есть?

– Да, была... Только ко мне он без охраны приезжал...

– Почему?

– А зачем? Что ему здесь угрожало? Охрана его до Кольцевой проводила, дальше он сам.

– И встречала его на Кольцевой? – спросил Старостин.

– Встречала?! – в замешательстве посмотрела на него Надежда Максимовна. – Как она могла его встретить, если он мертвый?..

– Значит, не дождалась его охрана. И никто вам не звонил?

– Насчет Саши?.. – еще больше смутилась она. – Ну, звонили, спрашивали... Я сказала, что уехал он...

– Вчера утром уехал?

– Ну да.

– Но до Москвы так и не доехал. Больше суток прошло, а он не доехал. Начальник охраны должен был беспокоиться. И его беспокойство должно было передаться вам, Надежда Максимовна. Но вы сказали мне, что ничего не понимаете

и что вы не звонили в Москву, — обличительно посмотрел на нее Федор.

— Я не звонила. Мне звонили. Это не совсем одно и то же, — в растерянности проговорила Голикова.

— Кто вам звонил?

— Начальник охраны, это вы правильно сказали.

— Это я сейчас вам так сказал. А в самом начале нашего разговора я спросил вас про вашего мужа. Вы ответили, что ваш муж не звонил вам из Москвы, но вас это не удивляет. А не удивляет, потому что вы с ним расстались не очень хорошо. Но дело даже не в этом. Дело в том, что вы делали вид, что ни о чем не догадываетесь. С вашим мужем случилась беда, но вы вели себя так, как будто ничего не произошло.

— Но я откуда знала, что с ним что-то случилось? — заламывая руки, спросила Надежда Максимовна.

— Ведь вам звонил начальник охраны вашего мужа, и вас должно было это обеспокоить.

— Откуда я знаю, куда он пропал? Может, к бабе какой-то заехал. Воскресенье ведь было! Он же кобель еще тот!

Судя по выражению ее глаз, ей самой понравилась эта версия. Действительно, кобелиной сущностью господина Голикова можно было объяснить многое, только никто не воспринял это объяснение всерьез — ни Старостин, ни Снегов.

— Ну, почему вы на меня так смотрите? Не убивала я своего мужа! — трагически всплеснула руками Голикова.

И так хорошо ей удался этот акт, что Федору вдруг захо-

телось ей поверить.

– Давайте осмотрим лодку, – требовательно сказал Снегов.

– Ваше право, – пожала плечами Надежда Максимовна.

Волновалась она, но в ее переживаниях угадывалось некое подобие торжества. Она знала, что следов преступления в лодке нет, поэтому смело повела следователя к пристани.

Лодка у нее простая – алюминиевая маломерка с мало-мощным навесным мотором. Следов крови действительно здесь не было. Но вместе с тем Снегов даже пыли на лодке не обнаружил, такое ощущение, что ее совсем недавно тщательно вымыли, причем с порошком. Зато в маленьком лодочном гараже пыль и паутина.

– Часто вы пользуетесь лодкой? – спросил Снегов у Голиковой.

– Да нет, не часто.

– Когда пользовались ею в последний раз?

– Ну, прошлым летом... По реке покататься вдруг захотелось.

– А почему тогда лодка у вас такая чистая, как будто ее вчера мыли?

– Мыли? – затравленно взглянула она на следователя.

– Да, лодку начисто вымыли.

– Вчера?

– Не знаю.

– Может, позавчера. Саша на рыбалку в воскресенье собирался. Но мы с ним поссорились, и он уехал. Тут уж не до рыбалки...

– А лодку мыть зачем? Ну, протер тряпочкой, и ладно... И почему он сам лодку мыл?

– Ну, это вы у него... Вы не можете это у него спросить, – вдруг всхлипнула Надежда Максимовна. – Вы не можете!.. Его больше нет!.. Но почему?

Она закрыла лицо руками, опустила голову и разрыдалась. Старостин видел, как опускаются и поднимаются ее плечи, но ведь он понимал, что эти страдания ненастоящие. Или как минимум преувеличенные.

Может, и любила Голикова своего мужа, но еще больше она ненавидела его. За то, что бросил ее в угоду молодой и детородной бабе, ненавидела. Кто-то в особняке на Рублевке живет, а ее сюда, в эту глушь, сослали. Обидно? Не то слово. А тут еще развод и девичья фамилия наметились. Как не выйти из себя? И вчера... Или, скорее, позавчера, в ночь с субботы на воскресенье, Надежда Максимовна решила острую проблему. И проблема острая, и орудие убийства такое же... Высокая она женщина, муж на полголовы был ниже. И руки у нее достаточно сильные, чтобы всадить ему в шею острозаточенный штырь или что-то в этом роде. Угол удара такой, что нанести его мог человек примерно одного с ней роста. Если, конечно, Голиков стоял в момент удара.

А он мог стоять спиной к жене и говорить ей при этом

какие-то гадости, а у нее в руке в это время мог оказаться острый предмет... Может, она и не собиралась его убивать, но разум вдруг помутился...

Труп она оттащила в лодку, спустилась на ней вниз по реке, избавилась от тела и вернулась домой. А там уже в ход пошли моющие и чистящие средства. И вряд ли экспертиза сможет отыскать где-то кровь потерпевшего. А если вдруг и найдется что-то такое, то Голикова скажет, что это у Александра Витальевича носом шла кровь. Неубедительно скажет, но ведь такое вполне могло быть. И система видеонаблюдения могла работать без режима видеозаписи. Да и, по большому счету, зачем хозяйке дома нужна эта запись? Для нее гораздо важнее смотреть, что творится в ее владениях, в режиме реального времени. Собака у нее в вольере, волкодав, достаточно нажать на кнопку, чтобы дверь в клетку открылась. И еще оружие в доме – карабин «сайга» в специальном сейфе. Ну, еще в память занесен телефон Катерины, которая всегда может позвать на помощь своего троюродного брата...

Режим видеозаписи был отключен, домработница отсутствовала, и нет возможности воспроизвести ход недавних событий. Без свидетелей действовала Голикова, без них убивала мужа и увозила его труп... Может, на лодке его вывезла за Колочку, а возможно, на его же машине... Кстати, а куда делась машина? Должна же была Надежда Максимовна избавиться от нее. Может, в лесу где-то бросила, а домой пеш-

ком вернулась?.. Если так, то кто-то мог видеть, как она возвращалась. Но если дело ночью было, откуда свидетели?..

Примерно такими же вопросами задавался и следователь Снегов. Он долго ходил по дому, по двору – вынюхивал, выискивал. А затем на пару со своим экспертом отправился к месту, где был обнаружен труп. Вдруг там где-то поблизости машина Голикова находится? Или просто следы волочения обнаружатся?..

Ольгина следователь забрал с собой, а Старостин остался с Надеждой Максимовной.

– А вы почему не уехали? – спросила она.

– Ну, вдруг вы убежите, – прищулив один глаз, ответил Федор.

– Убегу?

– Да, скроетесь от правосудия.

– Значит, все-таки вы меня обвиняете? – наигранно ужаснулась она.

– Ну, обвинения вам пока никто не предъявляет.

– Пока.

– Надежда Максимовна, зачем вы отпустили Катерину?

– Что значит, зачем? Она заболела, и я ее отпустила.

– Вы ее отпустили и к вам приехал муж? Или сначала приехал муж, а потом вы ее отпустили?

– Нет, сначала я ее отпустила, а потом приехал Саша.

– Вы его ждали?

– Нет. Он не предупреждал.

– Мы ведь проверим все ваши входящие звонки...

– Но я действительно не знала! Саша как снег на голову свалился!

Возможно, Голикова говорила правду, но Старостин ей не верил. Вышла она из доверия.

– И к чему это вы клоните? – возмущенно спросила она.

– Так, просто спрашиваю, – пожал плечами Федор.

– Да нет, не просто... Я же вас насквозь, капитан, вижу. Вы же думаете, что я нарочно отпустила Катерину, чтобы счета с мужем свести...

– Я не могу так думать. Сначала я поговорю с Катериной. Может, она и не болела вовсе.

– Болела она. Простуда у нее. Точно, простуда... Насколько я знаю, Катерина ваша родственница?

– У меня половина деревни родственников.

– Вы же не станете склонять Катерину на свою сторону?

– Я вас не понимаю.

– Ну, если вы попросите, она скажет, что не было никакой простуды.

– Попрошу? Зачем?

– Ну, вам же нужно обвинить меня в убийстве. Тут каждая мелочь важна, – с сарказмом проговорила Голикова.

– Надежда Максимовна, постарайтесь взять себя в руки.

– Я всегда держу себя в руках, – выпрямилась она, расправляя плечи. И голову горделиво вскинула.

– Вот и отлично... А нарочно топить вас я не собираюсь.

И ничего придумывать не буду. Что было, то и найду. И если вы виноваты в убийстве своего мужа, то не обессудьте.

– Но я не виновата. Я правда не виновата! – Голикову хватило ненадолго. Снова поддалась она чувствам и эмоциям, подошла к Федору, взяла его за руку и умоляюще посмотрела ему в глаза: – Я не убивала Сашу!

– Кто его убил?

– Не знаю... Вы должны найти настоящего убийцу!

– Должен. И я его найду.

– Но это не я!

– Я найду настоящего убийцу. Это я вам обещаю.

– Но этого убийцу вы видите во мне! Поверьте, это не так!

– Что ж, заставьте меня в это поверить, – хмуро, исподлобья глянул на нее Старостин.

– Как?

– Когда Александр Витальевич уехал от вас?

– Вчера. В воскресенье.

– Утром?

– Утром.

– А погиб он в ночь с субботы на воскресенье.

– Кто вам такое сказал?

– Эксперт.

Действительно, была такая версия. И, в принципе, Федор не лукавил.

– Он откуда знает?

– Опыт у него.

– А оборудование? Чтобы установить точное время смерти, нужно провести вскрытие, исследовать ткани... Ну, я точно не знаю, что там нужно сделать, но знаю, что на глазок время смерти не определить.

Увы, Голикова была права. Тем более что труп осматривал обычный криминалист, а не судмедэксперт. Да и даже более подробное исследование тела не сможет определить точное время смерти. Александр Витальевич мог погибнуть в час-два ночи, а его вдова скажет, что уехал он из дома в пять утра. Не такой уж это большой разброс по времени, чтобы уличить ее во лжи.

– У вас глубокие познания, Надежда Максимовна, – не без сарказма усмехнулся Старостин.

– Нет, не глубокие, на уровне детективных сериалов. Вечерами иногда бывает скучно, и хорошо, что есть телевизор...

– Ничего, теперь вам скучно не будет.

– Это вы о чем?

– Ну, если ваш муж не оставил завещания, вам придется судиться за наследство. – Про заключение под стражу Старостин говорить не стал. Это не ему решать, а Снегову, поэтому лучше не затрагивать столь болезненную для Голиковой тему. – Ведь не только вы можете претендовать на его наследство? Наверняка у вашего мужа есть другие близкие родственники. А его любовница родила ему ребенка, и если он его признал...

– Признал, – кивнула она. – И фамилию свою дал, и отчество. Но мне все равно, кто на что претендует. Меня вполне устраивал вариант развода, там хорошие отступные, мне больше и не надо...

– Но все-таки вы с мужем расстались на плохой ноте.

– Дело не в деньгах, – поморщилась Надежда Максимовна.

– А в чем?

– Из-за Эльвиры все...

– Он для того и приехал, чтобы обсудить развод?

– Да, я уже говорила...

– Он должен был понимать, что этот разговор не из приятных и что ему придется срочно уехать.

– Ну, может, и понимал. К чему вы клоните? – Голикова с опаской покосилась на Федора.

– К тому, что вашему мужу было не до рыбалки...

– Ну, он говорил, что завтра погода будет хорошая, неплохо было бы порыбачить.

– А удочки где?

Этот вопрос поставил женщину в тупик. Глазки у нее забегали в поисках подходящего ответа.

– Удочки?.. Ну, не знаю...

А ответ найдется. Например, удочки можно было взять у соседей. Тут, главное, лодку подготовить...

– Я вас понимаю, Надежда Максимовна, за убийство дают большой срок, вам это не нужно, поэтому вы и выкручива-

етесь. В этом я вас понимаю, – с мрачной усмешкой сказал Старостин. – Но факт остается фактом, вы пытаетесь меня обмануть... Ведь это же вы мыли лодку.

– Нет, не я! – поспешно ответила Голикова.

– А в глаза почему не смотрите?

– Почему не смотрю? Смотрю! – Она сделала над собой усилие, чтобы задержать на лице Старостина.

– Я понимаю, вы будете отрицать свою вину, но и вы меня поймите. На моей территории произошло убийство, и я сделаю все, чтобы раскрыть это преступление. И следовательно Снегов сделает все от него возможное. И если вдруг выяснится, что это вы убили своего мужа...

– Тогда что?

– А это выяснится?

– Нет!.. И не надейтесь.

– Поживем – увидим.

Старостин уже не сомневался в том, что Голикова убила его законная жена. Рано или поздно улики против нее будут найдены, в этом он тоже был уверен.

Правда, в тот день Снегов ничего такого не нашел. Он съездил в лес, затем еще раз осмотрел дом Голиковой и дворовую территорию, после чего отправился в район. Надежду Максимовну он задерживать и увозить с собой не стал, но взял с нее подписку о невыезде. Более того, обязал ее постоянно находиться дома, и капитан Старостин должен был строго следить за этим.

Глава 4

«Паркетный» «Мерседес» нашелся очень быстро. Старостин организовал людей на его розыск, но помощь неожиданно пришла оттуда, откуда ее не ждали. Хотя и должны были ждать, все-таки век технического прогресса на дворе. Оказывается, машина была оборудована спутниковой противоугонной системой, и начальник личной охраны Голикова обнаружил ее по сигналу спрятанного в ней радиомаячка.

Машину загнали в лес, на поляну, там и бросили. Сжигать не стали, просто бросили. Эксперт обследовал ее, но не обнаружил никаких отпечатков пальцев. Все подчистую стерто. И следов крови в салоне тоже нет. И в багажнике тоже.

– Хорошая она хозяйка, эта Надежда Максимовна, – с сожалением проговорил Снегов. – И лодку дочиста выдраила, и здесь прибралась...

– Дело мы по-любому раскроем... Тут до Подречной километров семь-восемь будет. Пешком так быстро не дойдешь... Я так понимаю, Голикова сначала труп на лодке вывезла, затем домой вернулась. А потом села в машину покойного и перегнала ее сюда. А вот как она обратно домой вернулась? Велосипеда у нее нет, мы смотрели. У соседей она ничего не брала. Машину свою в багажник засунуть не могла. Значит, домой пешком возвращалась, – вслух размышлял Старостин.

– Да, наверное, так оно и было.

– А когда она возвращалась? Если ночью, то домой только к утру могла добраться. А светает сейчас рано. И воскресенье это было. В воскресенье народ в Замятск или в Москву по утрам ездит, может, кто-то видел, как она домой возвращалась.

– Кто видел? Ты мне конкретику давай.

– Ну, я опрашиваю людей, пока никто ничего. Да и когда бы я успел, вчера все только заварилось...

– Работать надо, Федор Георгиевич, работать надо...

– Так я работаю... Точное время смерти установили?

– Пока нет...

– Работать надо, Валерий Павлович, работать надо...

– Ночью его убили. В ночь с субботы на воскресенье...

Может, в середине ночи. Возможно, Голикова действительно возвращалась домой рано утром. И хорошо, если ее кто-то видел... Мы здесь останемся, а ты, Федор Георгиевич, давай обратно. Может, накопишь чего...

В Подречную Федор возвращался на своей машине, хотя и возник у него соблазн проделать весь путь пешком. Но слишком далеко идти, а день, он не бесконечный. Капитан знал людей, которые воскресными утрами ездят в город, надо будет обойти всех, а это время.

Он уже подъезжал к мосту, когда в кармане зазвонил телефон. На дисплее высветилось – «Валентина». Бывшая жена, будь она неладна. Федор давно бы удалил ее из телефонной

памяти, если бы не Гоша. При всей своей обиде на бывшую он не мог позволить себе потерять связь с сыном, поэтому старался не ссориться с Валентиной, хотя и возникло сейчас желание послать ее далеко и надолго.

– У Гоши сегодня последний звонок был, если ты не помнишь, – сухо выговорила Валентина.

– Во-первых, здравствуй, – поморщился Старостин.

– А во-вторых? – недовольно спросила она.

– Во-вторых, у меня дела.

– Знаю я твои дела.

– Повежливей нельзя?

– К этой зачастил, да?

– К какой этой? – не понял он.

– К Голиковой!

– Не понял?

– Да ты не оправдывайся, не надо. Имеешь право.

– Ты ничего не знаешь?

– Знаю. Видела, как она от тебя шла...

– От меня, когда?

– В воскресенье... Да это не важно.

– В это воскресенье?

– Да, в это. Утром. Помятая вся... Я же говорю, не надо оправдываться. И если Гоша тебе не нужен, так и скажи!

– Валь, какая муха тебя укусила?

– К сыну почему в школу не пришел? Он, между прочим, второй класс закончил, если ты не знаешь.

– Ты сейчас где, дома? Давай я к тебе сейчас подъеду, и мы спокойно обо всем поговорим. Жди. Через пять минут буду.

Господин Шадрин когда-то занимался нефтью, сколотил на этом целое состояние, но в какой-то момент у него возникли проблемы с очень серьезными людьми, поэтому он продал свой бизнес, вложил деньги в акции ныне процветающей нефтегазовой компании и сейчас благополучно жил на дивиденды от своих удачных вложений. Жил с бывшей женой Федора. И сына его воспитывал.

Только Гоша больше тянулся к родному отцу. И он первый выскочил из калитки навстречу Старостину. Уши оттопырены, улыбка во весь рот. И прыгнул так высоко, будто собрался с ногами запрыгнуть на шею отцу.

– Папка!.. – звонко закричал он, обнимая Федора. – А у меня ни одной тройки за год!

– Поздравляю! Подарок за мной!

– А мы с мамой уже ездили за подарком!

– Когда?

– В воскресенье! Мы с ней аж в Москву ездили!

– Рано выехали?

– Это что, допрос? – спросила подошедшая Валентина.

Располнела она за последнее время. То ли работы у нее мало, то ли по женской части затяжелела. Может, блеснул ее старый хрыч мужской силой, а может, просто обленилась Валентина на сытых харчах? Да и зачем ей напрягаться, когда в доме есть экономка и горничная.

Но даже располневшая, выглядела она очень хорошо. Когда-то первой красавицей на деревне была. Да и сейчас мужики на нее заглядываются... Большие глаза, точеный носик, пухлые губки, грудь пятого размера... Федор с удовольствием вспомнил, как сломал Шаднину челюсть. С горьким удовольствием.

Он ничего не сказал. Несколько раз подбросил сына высоко в воздух, а затем отправил во двор дома:

– Гоша, пойди погуляй, нам тут с мамкой посекретничать надо.

– Только недолго! – убегая, крикнул мальчишка.

– Быстро же ты от Гошки избавился, – с насмешливым упреком заметила Валентина.

– Да нет, не избавился. Просто ты глупости сейчас начнешь говорить.

– Глупости? Какие глупости? – с язвительным удивлением спросила она.

– Ну, что Голикова от меня шла...

– А разве нет?

– С чего ты взяла, что от меня?

– А ты хочешь передо мною оправдаться? – В ее голосе звучало ехидство, но вместе с тем и желание услышать «да» на свой вопрос.

– А вдруг?

– Мне, вообще-то, все равно!

– Когда ты видела Голикову?

– А почему так официально? Надя ее зовут. Ты же так ее называешь?

– Ты видела ее в воскресенье?

– Да, видела. От моста шла. Увидела меня, отвернулась, руку ко лбу приложила, как будто на реке что-то заметила. Только меня не обманешь.

– Она обмануть тебя хотела?

– Ну, она же знает, что я твоя жена.

– Бывшая жена.

– Это не важно, – вдруг смущенно отвела в сторону взгляд Валентина.

Важно это. Очень важно. Если вдруг у нее возникнет желание вернуться к мужу, то Федор обратно ее не примет. Исключено... Любил он Валентину, но не настолько, чтобы прощать. Когда-то любил...

– Значит, она увидела тебя и отвернулась?

– Да, отвернулась... Она же от тебя шла? – пытливо и даже со злостью посмотрела на него Валентина.

– С чего ты взяла?

– Я видела, как ты вчера вокруг нее крутился. Машина твоя возле ее дома стояла, – в ее голосе прозвучала обида. – Когда ты от нее уехал?

– Я и сейчас к ней поеду.

– Скатертью дорога! – Валентина вдруг резко повернулась к нему спиной.

– Ты что, ничего не знаешь?

– Знаю! Катька мне говорила! Говорила, что ты про нее выпрашивал. Ну да, баба она видная...

Старостин знал, о какой Катьке шла речь. Катерина Урицкая – его троюродная сестра и домработница Голиковой. Он действительно спрашивал у Катерины про Надежду Максимовну, и там был не только служебный, но и чисто личный интерес. А Катерина не дура, все поняла. Язык за зубами она держать умеет, но Валентине сболтнуть могла, потому что дружили они.

Катерина действительно заболела, простуда у нее сильная. Да и о том, что Голикова овдовела, она узнала только вчера, так что не успела поделиться с Валентиной. Поэтому та и не знала, зачем Федор был вчера у Голиковой.

– Видная баба, – кивнул Старостин. – И богатая. А еще вдова.

– Да нет, тут ты не угадал, – съехидничала Валентина. – Муж у нее есть.

– Был муж. Мы его вчера мертвого нашли.

– Мужа ее нашли?! – шлепнула себя по щекам Валентина. – Мертвого?!

И глаза у нее загорелись, как у деревенской бабы, сгорающей от нетерпения пустить сплетню по кругу. Только в деревню ей бежать смысла нет: там все уже всё знают. Это здесь, в элитном поселке, трезвонить не принято. Наверное.

– Теперь ты понимаешь, что делал я вчера у Голиковой?

– Понимаю, – кивнула она.

– Значит, в воскресенье утром ты видела Голикову?

– Да, видела...

– От моста она шла?

– От моста.

– Из деревни?

– Из деревни.

Машину нашли на левом берегу реки, если Голикова шла от нее, то в деревню заходить не стала бы.

– Ты видела, как она мост переходила?

– Мост переходила? Нет, не видела, чтобы она мост переходила.

– Может, со стороны Замятска шла?

– Ну, может быть... Она такая вся помятая была, как будто ее черти всю ночь по кустам таскали.

– И ты подумала, что этот черт – я, – усмехнулся Старостин.

– Ну, я машину твою возле ее дома видела. Баба она, в общем-то, холостая. Муж сам по себе... Он что, сам умер?

– Потом расскажу... Ничего, если я Гошку на выходные к себе заберу?

– Опять матери отдашь?

– Ну, если работы не будет, то нет.

– Хорошо, я сама привезу...

– А твой старый хрыч не заревнует?

– Не заревнует... Как ты сказал? Мы же договаривались!

Действительно, Валентина просила его не называть Шад-

рина старым хрычом, и он даже дал ей обещание.

– Как он там, песок не сыплется?

– Федя! – возмущенно протянула она.

Но вместе с осуждением в ее взгляде он видел и насмешку. Над Шадриным насмешку... Несладко ей живется с новым мужем. Кормят сыто, но старость его ей не в радость. Сама она в этом не признается, да Федору это не нужно. Все равно к прежней жизни возврата уже не будет. Даже Гоша не заставит его вернуться к бывшей жене...

Глава 5

Палец уже устал давить на кнопку звонка, но никакой реакции. Неужели сбежала Голикова?

В принципе, ничего страшного в этом нет. Бегство – это признание своей вины. А поскольку прямых улик пока нет, то это неплохой повод прижать Голикову к стенке. Если, конечно, получится ее найти...

И все равно неприятно. Очень неприятно. Старостин должен был всего лишь присматривать за ней, а не охранять и тем более содержать под стражей, но уже кошки на душе заскребли...

– Подождите немного! – раздался вдруг в динамике знакомый голос.

– Надежда Максимовна! – на вздохе облегчения протянул Федор.

– Я сейчас, сейчас... Хотя нет, собака закрыта, можете сами зайти.

Голикова привела в действие замок, и калитка открылась. Дверь в дом тоже была открыта.

Надежда Максимовна спустилась к нему в банном халате и с тюрбаном на голове.

– Вы просто не вовремя пришли. В парилке у меня нет звонка, там ничего не слышно, – кокетливо улыбнулась она.

– Да? Ну, тогда с легким паром!

– Спасибо.

– В изоляторе даже душа нет, так что вы как раз вовремя...

– Вы пришли меня арестовывать? – ужаснулась Голикова.

– Ну, зачем же так жестоко? Сейчас вы во всем сознаетесь, и я отвезу вас в прокуратуру. Там вы напишете чистосердечное признание...

– А в чем признаваться? – спросила она, глядя на Федора вибрирующим от внутреннего напряжения взглядом.

– В убийстве вашего мужа... Кстати, его машина нашлась.

– Где?

– В трех километрах от места, где мы нашли труп вашего мужа. Кто-то загнал ее в лес. Вы сами как думаете, кто это мог быть?

– Ну, не я же! – дрожащим голосом ответила она.

– А вот я как раз считаю наоборот. Как вы думаете, почему?

– Ну, вам же нужно кого-то посадить!

– Надежда Максимовна, вас видели в воскресенье утром. В районе половины седьмого утра. Вы возвращались к себе домой. Пешком.

– Кто меня видел? – разволновалась Голикова.

– А разве мимо вас не проезжала «Хонда» серебристого цвета?

– «Хонда»?!. – Она нервно закусил губу.

– Надежда Максимовна, ну, вы же умный человек! Бес-

полезно отрицать очевидное. И бесполезно, и смешно. Не ставьте себя в неловкое положение...

– В половине седьмого?!. Ну, я проводила мужа до моста...

– Пешком?

– Зачем пешком? Он подвез меня, а обратно да, пешком...

– Но вы же расстались с ним на плохой ноте?

– Ну, я предприняла попытку помириться...

– Вы говорили, что ваш муж уехал в семь утра.

– Ошиблась... С каждым бывает...

– У вас на все найдется ответ, как я погляжу, – с недоброй иронией усмехнулся Старостин.

– Я говорю правду...

– Вы не правду говорите, вы выкручиваетесь.

– Нет, не выкручиваюсь, просто у вас нет доказательств, поэтому вы и злитесь... Возле машины меня кто-нибудь видел? – перешла вдруг в наступление Голикова.

– Никто не видел... – с осуждением посмотрел на нее Старостин.

– Если честно, я уже устала вам объяснять... Да, кстати, сегодня вечером ко мне подъедет один мой старый знакомый. Он известный адвокат. Я уже дала ему поручение, и он будет защищать меня. Вы не возражаете? – торжествующе спросила Надежда Максимовна.

Похоже, она решила, что смогла загнать Федора в тупик... Что ж, у нее для этого есть все основания. Обыск в доме ни-

чего не дал – ни следов крови, ни орудия убийства, ни ключей от машины мужа.

Она понимает, что ее обложили со всех сторон, но сдаваться не собирается. Знает, что есть у нее шансы выстоять против следствия в глухой защите.

– Ну, если у него это получится, пусть защищает, – пожал плечами Старостин.

– А вы в этом сомневаетесь?

– Время покажет...

– Зачем вам все это нужно?

– Что это?

– Вы же не следователь и даже не уголовный розыск. Вы, Федор Георгиевич, участковый, и это не ваше дело убийц искать. А вы словно с цепи сорвались.

– Почему не уголовный розыск? На своей территории я представляю все органы власти. Это и прокуратура, и следственный комитет, и уголовный розыск. Так что без обид.

– Да я не обижаюсь. Если бы я была в чем-то виновата, может, и обиделась, а так... – сбавляя обороты, проговорила она. – Кофе не желаете?

– Нет, спасибо.

– Федор Георгиевич! – возмущенно посмотрела на него Голикова. – Это невежливо с вашей стороны! Я же не в постель вас приглашаю!

Кокетничает Надежда Максимовна, флиртует. На все готова, чтобы заполучить Федора в союзники...

– Пойду я. – Старостин понял, что нужно уходить, пока туман очарования не затмил ему глаза и не опьянил разум. – Понимаю, что невежливо, но мне пора...

– Копать под меня пошли?

– Значит, до моста вас муж подвез? – неожиданно спросил Федор, чтобы сбить ее с толку.

И это ему удалось.

– До моста?! Да я уже не помню... – смутилась она.

Старостин усмехнулся про себя. Значит, кто-то еще мог ее видеть воскресным утром на дороге в деревню, потому и растерялась она. Ведь он найдет еще одного свидетеля. Или даже не одного. Как потом объяснить, что Голиков ее только до моста подвез, если ее на полпути видели?..

– А вы постарайтесь вспомнить.

– Ну, мы сильно поругались... Я ничего не соображала, когда из машины вышла. Не помню, сколько шла...

– Ничего, я помогу вам вспомнить.

Старостин уже вышел во двор, когда в кармане зазвонил телефон.

– Федор Георгиевич, ты где? – взволнованным голосом спросил Снегов.

– У Голиковой. Уже ухожу.

– Не надо. Оставайся там, а я сейчас подъеду. И глаз с нее не спускай!

– Что-то нарыл?

– Готовь наручники!

– Даже так?

– Там все очень серьезно!

Старостин вернулся в дом. Надежда Максимовна сидела в кожаном кресле у холодного камина и жадно курила. Нога заброшена за ногу, пола халата съехала с бедра, обнажив красивую сильную ляжку.

– Решили вернуться? – спросила она, быстрым плавным движением возвращая полу на место.

– Да, присмотрю за вами. Вдруг вы сбежите?

– Не дождетесь.

Федор сел на диван и затих. А о чем говорить с Голиковой? Ведь она же все будет отрицать. И чистосердечное признание не даст, как ни уговаривай. Не хочет она в тюрьму, потому будет сопротивляться до последнего. Так что лучше не тратить попусту слова.

– Что-то задумали? – с подозрением посмотрела на него Надежда Максимовна.

– А вы чего-то боитесь?

– Конечно, боюсь. Я не убивала мужа... Честное слово, не убивала!

Он молча кивнул, как бы соглашаясь с ней.

– Почему вы не спрашиваете, кто все-таки мог его убить? – надрывно спросила она.

– Кто?

– Вам это не интересно! Вы думаете, что это я... А это не я... Но я не знаю, как вам это доказать. И даже не пред-

ставляю, кто его мог убить... Нет, враги у него есть. Должны быть. В Москве у него могущественные конкуренты. Знаете, сколько желающих осваивать бюджетные деньги, о-о!... Но почему его убили здесь? Почему не в Москве?

– Почему?

– Я не знаю... Может, следили за ним?

– А где его убили?

– Как где? Здесь его убили.

– Здесь, в этой комнате?

– Да нет, что вы! – всколыхнулась Голикова.

– А где же?

– Где именно, не знаю, – отвела она в сторону глаза. –

Но где-то здесь, в этих местах. Не в Москве, а здесь... И не застрелили, а ножом...

– А его должны были застрелить?

Старостин уже не всматривался ей в глаза: и так ясно, что ложь там и фальшь.

Голикова ударили не ножом, а заостренным предметом вроде стального прута диаметром около тридцати миллиметров. И вглубь этот предмет ушел сантиметров на двадцать... Знала Надежда Максимовна, чем убила своего мужа, а про нож сказала для отвода глаз. Она продолжала ломать комедию, но это жалкое зрелище Федору уже порядком надоело.

– Может, кофе приготовите? – спросил он.

– Вы хотите?

– И вам не помешает...

Так не могло продолжаться долго. Как ни хитрила Голикова, но все равно где-то она прокололась. Один прокол нашел сегодня сам Старостин, другой везет Снегов. И если дело действительно дойдет до наручников, ей надо бы подкрепиться. В изоляторе ведь кормят плохо...

– И вещи неплохо было бы собрать, – вслух подумал он.

– Вещи?! Вы что, собираетесь меня арестовать? – ахнула Голикова.

– Все может быть. Сейчас подъедет следователь, у него какие-то улики против вас.

– Какие улики?

– Не знаю... – пожал плечами Федор, выразительно глядя на нее. – Пока есть время, можете перекусить. Ну, и вещи собрать бы не мешало...

– Вы что-то недоговариваете! – От сильного волнения лицо женщины покрылось красными пятнами. – Почему вы молчите?

– А о чем с вами говорить? Вы же все отрицаете.

– Но я не убивала Сашу! И если вдруг появятся доказательства моей вины, вы должны знать, что я ни в чем не виновата!

– А они появятся?

– Не знаю, – сказала она и отвела от него взгляд.

– Значит, появятся. – Старостин надолго замолчал. Ну, не верил он Голиковой.

Она угостила гостя кофе и бутербродами, поела и сама –

безо всякого аппетита. И успела переодеться к тому времени, когда подъехал Снегов.

Судя по торжеству в его глазах, следователь привез настоящую бомбу.

– Надежда Максимовна, ну как же так! Вы же должны разбираться в компьютерах и знаете, что запись с жесткого диска удалить не так уж и просто. Вы удалили ее, а мы – восстановили! – ликующе сообщил он.

– Я вас не понимаю, – расстроено пробормотала Голикова.

– Работало у вас видеонаблюдение, Надежда Максимовна. Просто вы запись удалили. И хорошо, что есть программы, которые восстанавливают запись... Мы восстановили ее. И ваш муж никуда не уезжал... Вы его вывезли! На лодке!

– И это есть на записи?

– А этого не может быть? – пристально посмотрел на нее Снегов.

– Ну-у...

– Вы правы, Надежда Максимовна. Камеры у вас на пристань не выходят. По идее, должны бы выходить, но нет ничего такого. Но есть запись, как ваш муж в спортивном костюме выходит за пределы двора. – Следователь достал из кармана записную книжку в затертом кожаном переплете, открыл нужную страницу. – Это произошло в ноль часов четырнадцать минут. В ноль часов тридцать шесть минут вслед за ним к пристани выходят вы. Ровно через десять

минут вы бежите к дому, потом возвращаетесь на пристань. В час пятьдесят три минуты вы снова приходите домой. Вы нервничаете, Надежда Максимовна, вы суетесь. В два часа шестнадцать минут вы уезжаете куда-то на машине своего мужа, возвращаетесь пешком, заходите во двор в шесть часов тридцать четыре минуты. Только затем до вас доходит, что нужно отключить видеозапись. Вы отключаете систему, потом удаляете запись...

– Я вам не верю! – Голикова остолбенело смотрела на Снегова. Она так вцепилась в подголовник дивана, что у нее побелели костяшки пальцев. Все, в западне она, выхода нет, но белого флага не видно.

– Вы ознакомитесь с записью. Обязательно ознакомитесь. Но не здесь, а у меня в кабинете. Собирайтесь, гражданка Голикова, вы задержаны по подозрению в убийстве.

– Но это неправда! – шагнув к дивану на подкашивающихся ногах, она обессиленно села.

– Что неправда? То, что я вам сказал?

– Нет, то, что вы сказали, это правда... – низко опустив голову, пробормотала Надежда Максимовна.

Старостин одобрительно глянул на Снегова. Хотя и неказистый он на вид, если не сказать больше, но работу свою знает. Все-таки смог дожать упрямую вдову.

– Но я не убивала мужа... Он приехал ко мне, мы расставили все точки над «і», потом расслабились, немного выпили... Думаю, подробности вас не интересуют, – не поднимая

головы, вздохнула она.

– Сейчас нет, но, в общем, да, – сухо произнес Снегов.

Его интересовали любые подробности, в том числе интимные, но сейчас он вникать в них не собирался. Ему надо было увозить задержанную, он торопился, но Голикова не спешила протягивать руки под стальные браслеты. Она все еще надеялась на снисхождение.

– Саша потом оделся, сказал, что хочет прогуляться, – продолжала она. – На речку, сказал, хочет посмотреть. Ну, я тоже решила пройтись. Выхожу на пристань, а он там лежит...

– Мертвый? – спросил Старостин.

Он поможет доставить Голикову в район, но ведь на допрос его не позовут, а ему интересно все знать.

– Мертвый... – кивнула она. – Я не знаю, кто его убил!

– Чем его убили?

– Не знаю...

– Что, из шеи ничего не торчало?

– Нет. Кровь вытекала... Из раны вытекала...

– Куда?

– В воду. Прямо в воду. Он на пристани лежал, голова к воде свисала...

– Что, и на доски ничего не попало?

Эксперт обследовал пристань, но следов крови там не обнаружил – Старостин хорошо это помнил.

– Почему не попало? Попало... Но я все вымыла... Там у

нас пластиковые доски, они легко оттираются...

– И в лодке вы убрались?

– Да, и в лодке убралась... Сначала отвезла труп... Ну, как будто он сам упал и уплыл...

– Лучше бы вы его закопали, – скривил губы Федор.

– Да, было бы лучше... Э-э, не надо меня провоцировать! – спохватилась Голикова, потом вдруг вздохнула: – Я понимаю, надо было вызвать милицию.

– Так в чем же дело?

– А вы бы решили, что это я его убила... Да, вы правы, надо было выводить видеокамеру к реке, я сама как-то об этом подумала... Забор поставила, а камеру не вывела... Надо было выводить, – казалось, она вот-вот расплчется, – тогда видно было бы, кто убил Сашу.

– Вы знали, что видеокамеры там нет? – спросил, а вернее, уточнил Снегов.

– Да, знала... Поэтому даже не стала запись смотреть... Решила, что надо избавиться от трупа...

– Может, потому вы и убили мужа на пристани, что там нет камеры?

– Не убивала я Сашу!.. Я была уверена, что вы не поверите мне!

– Ну, почему не поверим? – покачал головой Старостин. – Если бы вы вызвали милицию, если бы не выкручивались, то, может, и поверили бы...

– Может! Может, и поверили бы! А может, и нет!

– Но вы же выкручивались. Заметали следы, врали нам...

– Я не хочу в тюрьму! – заистерила женщина.

Сейчас ей было все равно, что подумают о ней мужчины. Впечатление на них приятно производить на воле, с видами на приятное будущее, а когда тюрьма впереди маячит, тут не до позерства...

– Закон суров, но он – закон, – развел руками Старостин.

– Закон суров! – задыхаясь от бессилия, простонала Голикова. – Закон суров к тем, кто не виноват! Я буду сидеть, а тот, кто убил моего мужа, будет гулять на свободе! Скажите, где справедливость?

– Справедливость – понятие относительное.

– Справедливость должна быть справедливой. Только так и должно быть! Федор Георгиевич, ну, вы же справедливый человек. Я знаю, ваша сестра мне говорила, что вас все здесь любят и уважают, потому что вы строгий, но справедливый. Докажите, что это так! Найдите убийцу!

Старостин многозначительно посмотрел на Снегова, тот сразу все понял и согласно кивнул. Все, пора прекращать этот балаган...

Глава 6

Федор стоял на пристани, на том самом месте, где был убит Голиков.

Надежда Максимовна уже обрисовала ситуацию, показала, где якобы нашла тело мужа. Но нет там следов крови.

Пристань действительно была сложена из пластиковых досок. И это не дорогой древесно-полимерный композит, из которого делается террасная доска. Это обычный толстый пластик, даже без шероховатых поверхностей, чтобы нога не скользила. Кровь в такое покрытие не впитывается. Кроме того, между досками установлен зазор в сантиметр-полтора шириной, в который легко просунуть руку с тряпкой. Этим и воспользовалась Голикова, заматавая следы. Только зря она это сделала. И хорошо, что теперь она и сама это понимает...

Широкая река, до противоположного берега – метров сорок-пятьдесят. Прибрежные участки в элитном поселке отделены друг от друга высокими заборами. Участок Голиковой отделен еще и от общей территории, но с этим понятно. Справа у нее соседи – люди небедные и, в общем-то, неконфликтные, если сбросить со счета пьяную драку. Ну, приехали дурные гости, всякое бывает. А так вроде нормально все у Молодовых, их бояться нечего. А слева от участка Голиковой ничейная земля – аж до самого моста, вот оттуда и могла грозить опасность. Забор хоть и высокий, метра три, не

меньше, но, в принципе, перелезть через него можно. К мосту этот ничейный участок выходит. И еще на мост выходили видеокамеры наружного наблюдения. Туда выходили, а на реку почему-то нет. Может, Голикова нарочно сняла камеру? Но не видно на столбах крепления для такого устройства, и проводов нет... А столбы установлены недавно. И это не кирпичные столбы, а обычные трубы, и заполнение – сплошь профильные листы. Слабый и недорогой забор по сравнению с кирпичной оградой по всему периметру участка. И возвела этот забор Голикова недавно, уже после того, как была установлена система видеонаблюдения. Надо было специалиста вызывать, технику докупать, она вроде бы собиралась, но затянула время, потому воз с места не сдвинулся. Для нее это хорошо, камеры не зафиксировали, как она убивала мужа... А если все-таки убивала не она?

Снегов не верил Голиковой, но все-таки просмотрел запись с камеры, выходящей на мост. Никто не подкрадывался к участку Голиковой с этой стороны, не перелезал через забор. Но тогда как убийца мог подобраться к жертве, если исключить из списка подозреваемых Надежду Максимовну? Исключать ее никто не собирается, но вопрос все же интересный. Может, со стороны Молодовых подобрался? А может, с реки опасность пришла? Пересечь реку вплавь нетрудно. И затаиться под пристанью можно. Хоть и зазоры между досками, но в темноте не видно, что под ними. Фонари горели за железным забором, сама пристань освещена была

плохо... А еще убийца мог затаиться в лодочном гараже. Замок там навесной, механизм несложный, с помощью отмычки с таким справиться не проблема. В принципе, знающий человек и проволокой мог его вскрыть. А еще гараж могла открыть сама Голикова. Для убийцы, которому «заказала» своего мужа. Но это нереальный вариант. Вот если бы киллер не просто убил Голикова, а спрятал концы в воду, тогда можно было бы рассматривать такую версию всерьез. Река глубокая, можно было оттащить труп подальше от поселка, привязать к нему рельс или еще что-то в этом роде... Да и где бы Голикова нашла киллера? Когда бы успела с ним договориться? Ведь она же не знала, что муж к ней приедет. А если бы знала, то выбрала бы другое место для убийства. Голикова могли бы застрелить по пути в районный центр, тогда и Надежде Максимовне не пришлось бы делать глупых движений. А ее попытку избавиться от трупа иначе как глупой не назовешь. Могла бы утопить покойника. И лодка в ее распоряжении была, и время. И тренажерный зал в цокольном этаже дома есть, Старостин видел там штангу, тяжелые «блины» к ней – чем не средство «привязать» покойника ко дну речному. Но не догадалась Голикова сделать это. Потому что сумбур у нее был в голове...

Нет никакого киллера, Голикова сама убила мужа. Из-за наследства. Из-за ревности к его будущей жене.

Но почему тогда она не отключила систему видеонаблюдения, почему позволила ей работать в режиме записи? Мо-

жет, просто забыла о ней? Не в себе была, голова соображала плохо, вот и упустила этот момент. А может, спонтанно все вышло. Муж пошел к реке, она за ним, там слово за слово, и ураган кровожадных эмоций... Но чем она его убила? Если бы камнем каким-нибудь, тогда понятно. Но нож – это уже подозрительно. Если она пошла за мужем с ножом, значит, у нее уже был умысел, и камеры бы она отключила...

Старостин услышал, как за спиной открылась калитка. Он обернулся и увидел выходящую к нему Катерину. Не совсем она выздоровела, но кто-то же должен смотреть за домом, пока Голикова путешествует за казенный счет.

Не красавица Катерина, но довольно-таки симпатичная на вид. Черты лица не совсем правильные, асимметричные, глаза небольшие, но есть в облике та самая изюмина, которая делает женщину желанной. И фигурка у нее очень даже ничего. И в личной жизни у нее все хорошо. Муж ее любит, чуть ли не на руках носит. Работящий Николай, малопьющий, дом – полная чаша. Да и у нее работа хорошая – землю пахать не надо, а деньги, по местным меркам, получает приличные.

– Федь, обедать будешь? – спросила она. – Я не готовила, но яичницу с луком пожарить могу.

– Смотри, сама предложила! – улыбнулся Федор.

Он уже говорил с Катериной насчет Надежды Максимовны, но тогда его больше интересовало, действительно ли она болела или Голикова все придумала.

Катерина провела его в дом, посадила за барную стойку на кухне и весело спросила:

– Может, наливочки для аппетита?

– Аперитивчику, что ли?

– Ну, можно и так сказать... Надежда Максимовна любила это дело.

– Выпивать любила?

– Ну, не то чтобы очень... Перед обедом выпьет чуть-чуть, поест, а потом спать. Просыпается – свежая, бодрая.

– А за ужином снова?

– Иногда. Я бы даже сказала редко. Но если примет, то уже не остановишь...

– Напивалась?

– Напивалась. Но никогда не шаталась. Пьяная, а не шатается... Ты только не подумай, она не алкоголичка. Просто одна жила, скучно ей было... Хоть бы мужика нашла, утешилась...

– Что, и никогда не было?

– Ну, муж иногда приезжал, и все.

– Часто приезжал?

– Да я бы не сказала... Поселил ее здесь, а сам в Москве остался, с любовницей.

– Дом любовнице на Рублевке построил.

– Построил, – кивнула Катерина.

Она уже нарезала лук и сейчас обжаривала его в масле. От луковых паров у Старостина слегка заслезились глаза.

– А жене почему не построил? Он мужик богатый...

– Так он этот дом зачем строил? Это у него вроде запасного аэродрома, так Надежда Максимовна рассказывала. Ну, если вдруг какие-то проблемы возникнут, они сюда должны были переехать, от греха подальше. В Москве про этот дом никто не должен был знать. Но у Александра Витальевича неожиданно любовь приключилась, а Надежда Максимовна сама сюда захотела. Аэродром, говорит, хоть и запасной, но не хуже основного получился...

– Сама захотела или муж сослал?

– Ну, говорит, сама...

– А может, все-таки сослал?

– Да нет... Он предлагал ей в Москву переехать, в старый дом, он у них где-то на Новорижском шоссе, а она отказалась. Я сама этот разговор слышала...

– Когда?

– Да не помню. Года два назад... Он тогда зачастил сюда, чуть ли не каждую неделю приезжал.

– Чего?

– Ну, любовь проснулась...

– Чего вдруг?

– Да надоела ему его новая. К Надежде своей решил вернуться.

– А почему не вернулся?

– Так она не захотела...

– Разлюбила?

– Да нет, дело не в том. Нельзя, сказала, сразу прощать, время надо выждать. Ну, пока она выжидала, Эльвира сына ему родила. И снова как отрезало... Надежда локти потом кусала, а поздно уже было... Он иногда приезжал, у них тут даже романтические вечера бывали. Она все ждала, что он вернется, а он не возвращался...

– А в субботу еще и развод предложил, – подсказал Старостин.

– Ну, к этому все шло.

– Голикова предполагала, что все так будет?

– Наверное. Говорила, рано или поздно это случится, дождет его Эльвира... А вообще, она хорошая женщина. Строгая, но справедливая. И добрая. Поэтому Александр Витальевич не мог с ней порвать до конца. Новая любовь затянула, а старую бросить не мог...

– Но ведь бросил. Развод и девичья фамилия. А потом поссорились, и нож в спину.

– Да нет, Надежда не могла! – мотнула головой Катерина. – Не тот она человек, чтобы убить...

– Спьяну всякое бывает.

– Да нет, она до такого состояния никогда не напивалась.

– Все это слова, Катерина, – покачал головой Федор.

– Ну, слова не слова, а не верю я, что Надежда могла. – Она нервно поставила перед ним тарелку с яичницей, со стуком положила вилку и нож. За стол не позвала, так и оставила за барной стойкой.

– А кто мог?

– Ну, не знаю... Молодов, например.

– Молодов? – Федор кивнул в сторону соседнего дома. –

А почему ты так решила?

– У него с головой не все в порядке...

– И в чем это выражается?

– Да ни в чем...

– Чего ж тогда говоришь?

– Вроде нормально все, человек как человек, а иной раз как найдет... Не скажу, что часто, но бывает...

– Что бывает?

– Ну, помнишь, драка была. Из-за чего, думаешь? Шурин к нему приехал, так Молодов свою жену шлюхой назвал. Ну, шурин не стерпел... Потом извинялся долго.

– Перед кем извинялся?

– Перед Алексеем Иннокентьевичем. Ну, перед Молодовым. У Молодова фирма в Москве, сам он здесь живет, а шурин у него там за директора. Вот жена и ездит часто в Москву, смотрит, что там да как. Ей же не хочется, чтобы они с мужем прогорели, мало ли, что у ее брата на уме... А Молодову все равно. Дом себе отгрохал на природе, живет в свое полное удовольствие – рыбалка, охота... Любовница...

– Ты откуда про любовницу знаешь? – усмехнулся Старостин, разглядывая на вилке кусок яичницы, который он не успел донести до рта.

– Знаю, – понизив голос, сказала Катерина.

– Уж не Надежда ли?

– Да нет! Что ты! Надежда его далеко послала!

– А он что, подкатывался к ней?

– Еще как! Только жена уедет, как он сразу к Надежде. То соли у него нет, то спичек. То секса...

– Даже так?

– Ну, Надежда баба красивая, одинокая, а он по бабам ходок... Думаешь, куда он на охоту ходит? Баба у него в Сошниково живет, он вроде охотится, а сам по нескольку дней у нее пропадает, – усмехнулась Катерина.

– Может, правда охотится?

– Ну, одно другому не мешает. И в Сошниково у него баба, и еще где-то... Может, он и у нас, в Подречной, с кем-то крутит, но я только про Сошниково знаю...

– Сестра у тебя там живет, – вспомнил Старостин.

– Так Ленка мне и рассказала... В общем, кобель он еще тот!.. А вот с Надеждой у него серьезно. Он даже фирму свою жене хотел отписать, чтобы развестись с ней и жениться на Надежде.

– Кто тебе такое сказал?

– Да я сама своими ушами слышала! Он тут перед ней чуть ли не на коленях ползал, – показала рукой в сторону зала Катерина.

– Да ну!

– Вот тебе и ну!.. Ты, говорит, Надя, все равно никуда от меня не денешься... Она сказала, что у нее муж есть, а он

ответил, что ему все равно... Может, он и убил Александра Витальевича? Обострение случилось, и все...

– Обострение?

– Ну, знаешь, как это у психов бывает. Зимой и летом ничего, а весной и осенью накрывает. Так и с Молодовым, то ничего-ничего, то вдруг накроет. Вон жену шлюхой при гостях назвал. И к Надежде свататься приходил, «шоу» здесь устраивал... Если бы каждую неделю приходил, а то раза два в год случается... Этой весной не приходил. Может, потому, что не накрывало. А в субботу раз, и накрыло...

– Надежда не говорила, что к ней Молодов приходил. И про то, что приставал к ней, тоже не говорила...

– Ну, все же не расскажешь, это сколько ж времени нужно... Хочешь, я с Марией Степановной поговорю? Она у Молодовых работает.

– Мария Степановна? Знаю такую, говорил с ней сегодня.

Когда-то Мария Степановна работала техничкой в школе, теперь вот у «новых русских» обосновалась. Лет шестьдесят женщине, но здоровья ей не занимать, потому и управляется с большим хозяйством своих работодателей.

Если Молодов кобель, то мог бы симпатичную служанку найти. Но, может, именно поэтому его жена и наняла Марию Степановну, чтобы не искушать мужа молодыми соблазнами. Она же часто в отъездах бывает, следить за мужем некогда...

– Ничего не было у них такого в субботу. Тихо было, –

сказал Федор.

– А Молодов где был?

– Дома. И жена дома была. Зато сейчас жена в отъезде, а он сам на рыбалке пропадает. Взял лодку и вверх по реке... К любовнице своей отправился?..

– Ну, то, что жена дома была, ни о чем еще не говорит... – махнула рукой Катерина. – Может, он и не собирался Голикова убивать. Просто вышел на пристань, а он там... Может, он лодку к выходу готовил...

– В час ночи?

Федор задумался. Участки Голиковой и Молодова разделял высокий забор, но у обоих пристань нависала над водой, так что с одной пристани можно было увидеть другую. И Молодов мог увидеть Голикова. Да и на лодке подплыть к нему мог... Что, если между соседями конфликт вышел? А в лодке у Молодова могли быть инструменты, например зубило с круглым сечением...

– Вообще-то Мария Степановна сказала, что в субботу ночью все спали.

– Я тебя умоляю! – хмыкнула Катерина. – Мария Степановна – баба продуманная, она своих хозяев не сдаст. Ты же участковый, мало ли что у тебя на уме? Уж лучше сказать, что тихо все было, чтобы ты копать не начал...

– Так и ты свою хозяйку сдавать не хочешь. Без работы ведь остаться можно.

– Ну да, не хочу. И без работы остаться не хочу, – вынуж-

дена была согласиться она. — Но я правда не верю, что Надежда могла убить мужа... Ну, так что, пойти мне, поговорить с Марьей Степановной? Уж мне-то она все скажет...

— Хорошо, поговори, — кивнул Федор. — А я завтра подъеду, ты мне все и расскажешь.

Некогда ему сегодня делом Голиковой заниматься. Другие дела у него есть, хотя далеко не такие интересные. Вернее, совсем неинтересные. Жена на мужа жалуется, надо идти мозги дебоширу вправлять. Но это еще куда ни шло. Это его призвание — наводить на участке порядок. А вот пропавшую утку искать — удовольствие более чем сомнительное. Но делать нечего. Кто-то же должен и чепухой заниматься...

Глава 7

День только начинался, работы много, и Старостин сейчас должен был отписки для отчета составлять, но его снова в элитный поселок занесло. Позвонила Катерина и сказала, что есть важная информация. В принципе, у нее все – важная новость, но Федор все-таки поехал к ней.

– Ты какой кофе будешь? – с порога спросила она.

– Покрепче.

– Тогда двойное эспresso...

– А информация тоже двойная будет? Или просто лайт?

– Нормальная информация, – загадочно улыбнулась Катерина.

– Ну, давай выкладывай, – удобно располагаясь в кресле, сказал Федор.

Сейчас бы подремать часок в тишине и уюте... Дом у Голиковой выше всяких похвал. И большой, и светлый; и обстановка богатая, со вкусом и, как принято сейчас говорить, функциональная. Большая сауна в цокольном этаже, в мансарде – бильярд. Здорово здесь. Так здорово, что уходить не хочется. Зато сама Надежда Максимовна ютится сейчас на жалких тюремных метрах. Как же ей сейчас домой хочется... Но ведь она сама во всем виновата...

– Наврала тебе Мария Степановна, – с заговорщицким видом проговорила Катерина. – Не спал Алексей Иннокентье-

вич. Бессонница у него была... Говорю же, весеннее обострение.

– Это ты говоришь. А что Мария Степановна говорит?

– Ну, про обострение она не говорила, но, я думаю, это оно самое.

– Ты психиатр?

– Нет, но мне кажется...

– Что еще тебе кажется?

– Почему кажется? Мария Степановна говорила. К гаражу Молодов ходил. Ну, к лодочному гаражу. Ночью ходил.

– Снасти готовить?

– Ну, я не знаю...

– И когда ходил?

– Ночью. В районе двенадцати.

– На самом деле так было или это ты так думаешь?

– Ну, было... Он с женой вечером поругался, спать по разным кроватям легли, бывает у них. Тамара тоже та еще штучка. Ему под пятьдесят, а ей тридцать «с копейкой», разница в возрасте, все такое. Он уже на пенсии, а ей Москву подавай. Она без него по два-три дня в столице пропадает, неизвестно, чем там занимается. Потому он и назвал ее шлюхой, ну, тогда, когда драка была. Накипело, и сказал...

– Так накипело или обострение? – усмехнулся Федор.

– Не важно. Главное, что обострилось. Вот он ночью встал и пошел к реке...

– Да уж, с тобой не поспоришь...

– Ты бы сходил к Молодову, он сейчас дома. А мне обед готовить, к Надежде поеду, пока ее в СИЗО не перевели, тогда сложнее будет... Может, все-таки не переведут? – с надеждой спросила Катерина.

– Почему?

– Ну, вдруг это Молодов?

– Что ж, попытаюсь тебя в этом переубедить.

Алексей Иннокентьевич действительно был дома. Он сам открыл Старостину калитку, причем сделал это с таким видом, будто давно ждал его визита.

Дом у него большой и новый, а сам он роста чуть ниже среднего и далеко не молодой. Дом богатый, во дворе новомодный ландшафт во всех его проявлениях. Очень ухоженный двор – травка подстрижена, кустики отфигурированы, деревья стоят ровно, хотя и нестройными, как задумано, рядами. Но сам хозяин дома какой-то лохматый, запущенный, старый свитер, в двух местах прожженный сигаретой, затертые до желтизны джинсы, кроссовки без шнурков. Но Молодова совершенно не смущал собственный вид. Какая разница, как он выглядел, главное, что у него есть. Замечательный дом, «Лексус» возле гаража, процветающая фирма, платиновая карточка с многомиллионным весом. Этим он, может, и не очень гордился, но воспринимал как должное. Он знал себе цену, поэтому нисколько не комплексовал из-за своего внешнего вида. И, возможно, делал это зря. Все-таки жена у него молодая, судя по всему, амбициозная, а может быть, и

не очень верная...

– Я слышал, ты вчера приходил, капитан, – вроде как душевно, но себе на уме улыбнулся Молодов. – На рыбалке я был.

– Могу только позавидовать, – ответил ему Старостин. – Выйду на пенсию, тоже буду на рыбалке пропадать.

– Так я не на пенсии... Хотя, пожалуй, ты прав, капитан.

– Я прав? А разве я говорил, что вы на пенсии, Алексей Иннокентьевич?

Старостин уже не молодой мужчина, все-таки сорок лет на носу, к тому же он капитан милиции, форма на нем, а Молодов беззастенчиво «тыкал» ему. Но не тот сейчас случай, чтобы ставить его на место. Нельзя настраивать против себя возможного свидетеля. Или даже подозреваемого...

– Нет, но подумал.

– А вы мысли читать умеете?

– Ну, в какой-то степени... Пятнадцать лет на руководящей должности, десять лет в бизнесе – опять же, свой штат сотрудников, ко всем надо в душу влезть. Тут без телепатии никак...

– Да? Тогда мне, возможно, повезло. Вдруг ваши телепатические возможности помогут мне найти убийцу... Надеюсь, вы в курсе, что произошло у ваших соседей? – Старостин повел головой в сторону голиковской усадьбы.

– Признаться, я в шоке. – Молодов плавно взмахнул рукой и внутренней стороной ладони прикоснулся к своей груди.

– Вы знали Александра Витальевича?

– Не знал. И знаком с ним не был. Он тут очень редко появлялся. А Надежду Максимовну знаю очень хорошо и не верю, что это она убила своего мужа.

– А кто мог это сделать?

– Ну... Видишь ли, капитан, я не знаю подробностей.

– Вашего соседа убили во дворе собственного дома, а если точнее, то на пристани. В районе от полуночи до половины первого часа ночи. В ночь с субботы на воскресенье. Может, вы слышали что-то, крики там, стоны?

– В ночь с субботы на воскресенье?.. – двумя пальцами обжав подбородок, переспросил Молодов. – Нет, ничего не слышал...

– И Надежду Максимовну не видели?

– Надежду Максимовну? Ночью?.. Ты, капитан, сам посмотри, наши дома далеко друг от друга стоят, заборы высокие, не видно, что там в соседнем дворе творится...

– Да, но с пристани Голиковых видна ваша пристань. И Надежда Максимовна говорила, что у вас в гараже горел свет, – схитрил Старостин.

Не говорить же, что Молодова сдала Мария Степановна. А с Голиковой какой спрос? Тем более это в ее интересах – расколоть соседа на признание.

– У меня в гараже горел свет? Ночью?! – задумался мужчина, ожесточенно щипая себя за подбородок.

– В ночь с субботы на воскресенье...

– Надежда Максимовна так сказала? – Похоже, он и хотел, но вместе с тем и боялся сказать правду.

– Вы что, не желаете ей помочь?

– В чем?

– Вы же заядлый рыбак, Алексей Иннокентьевич, вы могли готовить к выходу свою лодку.

– Ночью?

– А вдруг у вас была бессонница?

– Бессонница?.. Ну да, у меня была бессонница... Но свет в моем гараже не горел. И лодка не в гараже стояла.

– А где?

– Я не могу этого сказать...

– Почему?

– Ну, это личное...

– Я слышал, у вас личная симпатия к Надежде Максимовне?

– Уже доложили? – поморщился Молодов.

– Язык, он, как говорится...

– Ну да, нравилась мне Надежда.

– А сейчас что, не нравится?

– И сейчас нравится...

– Ей сейчас плохо. Условия в тюремной камере сами должны понимать какие, – сочувствуя Голиковой, вздохнул Старостин.

– Да уж, не фонтан... Но вдруг вы подумаете, что это я? – беспокойно посмотрел на него Молодов, вдруг переходя на

«вы». — А я на том берегу был... — кивнул он в сторону деревни. — Где-то в районе полуночи.

— И что вы там делали?

— Ну... Не важно... В общем, на берегу я стоял. Ночь отличная была, темная. А тот берег не освещается. Для нас это самое то, — Молодов заговорщицки подмигнул Федору.

— Для вас?

— Все, больше ничего не скажу. Если вы человек умный, сами догадаетесь, если нет, то все равно не поймете...

— Ну, ходят слухи, что вы без жены здесь не скучаете, — усмехнулся Старостин.

— Слухи! На то она и деревня, чтобы по ней слухи гуляли! Хорошо, что моя Тома — человек сугубо городской, слухам не верит... — хмыкнул Алексей Иннокентьевич.

— А может, и верит?

— А может, и верит. Но тут личное, давайте об этом не будем.

— Так я и не вникаю... Мне бы узнать, что вы видели с того берега.

— А я говорил, что видел?

— Ну, я тоже, в общем-то, на руководящей работе. Тоже мысли читать умею, — вроде как в шутку сказал Старостин.

— Ну, не то чтобы видел... Мы в лодке сидим, слышим, кто-то на берег вышел.

— Кто вышел, мужчина или женщина?

— Говорю же, темно было. Это у нас пристань освещена, а

на правом берегу темно, хоть глаз выколи...

– И у вас в лодке свет не горел?

– Нет. Темнота, как говорится, друг молодежи...

– Значит, человек на берег вышел?

– Ну, да.

– Откуда вышел?

– Со стороны поселка. На пляж вышел...

– На пляж? Может, искупаться захотел?

– Я тоже так подумал. Но вода-то холодная, какое может быть купание?

– Ну, пьяному море по колено. Суббота как-никак была...

– Вот и я так подумал!.. Он разделся, зашел в воду и поплыл.

– Куда поплыл?

– Просто поплыл...

– Может, он на ваш берег выплыл?

– Не знаю, не видел. Я мотор завел, и мы вверх по реке пошли.

– Зачем?

– Ну, мы же недалеко от этого купальщика стояли, он мог заметить нас и подплыть, а оно нам надо? Если он пьяный...

– А если еще и муж, – усмехнулся Старостин.

– Чей муж? – озадаченно глянул на него Молодов.

– Той, с кем вы там были.

– А-а! Ну, муж у нее в Москве, квартиры там ремонтирует... В принципе, да, моя Тамара тоже в Москве собиралась

остаться, но вдруг приехала. А у меня встреча, и отменить нельзя, пришлось выкручиваться...

– Выкрутились?

– В общем, да... Мы вверх по реке поднялись, там удобное местечко нашли...

Старостин попросил Молодова перевезти его на другой берег и показать место, где он стоял ночью со своей подружкой. Мощный двигатель работал тихо, на рев он мог перейти только на большой скорости, но Алексей Иннокентьевич не стал разгоняться, поэтому двигатель всю дорогу толкал ялик с минимальным шумом. Старостин даже подумал, что пьяный купальщик мог и не услышать, как лодка отошла от берега... Да и был ли он вообще пьян?

Молодов пришвартовался к берегу, показал место, где они поначалу устроились. А неизвестный, что вышел на пляж, разделся метрах в двадцати от них. И к воде он спустился по тропинке, что тянулась от дороги между деревней и поселком. Была еще другая тропка, от деревни, но Молодов уверенно заявил, что человек пришел не с этой стороны.

– Тут же галька, шаги слышны. Оттуда он шел, – показал он в направлении поселка.

– И сразу раздеваться стал?

– Да нет, постоял немного, посмотрел.

– Куда смотрел?

– Ну, на тот берег...

– Вас не заметил?

– Нас? Нет, вряд ли... А если заметил, то не обратил внимания... Он же на тот берег был нацелен...

– Что значит нацелен?

– Ну, как бы вам сказать... Темно было, но купальщика я смог рассмотреть. Не скажу, что рослый, очень крупный, и все же что-то мощное в нем было. Движения не то чтобы резкие, но какая-то затаенная сила в них. Как будто пружина в нем какая-то была, и когда он поплыл, я подумал, что эта пружина разжалась... Честно говоря, мне не по себе стало. Что-то мистическое в нем было...

– Что мистическое?

– Ну, не знаю... Что-то волчье...

– Так, может, он не одежду снял, а шкуру?

– Смеетесь? – с укоризной спросил Молодов и, немного подумав, добавил: – Все правильно, ерунда все это. Никакой это не оборотень...

– А почему оборотень?

– Ну, говорю же, что-то волчье в нем проглядывало. Но так ведь ночь, темно, да и луна не светила. А оборотни луну любят... Но зато двенадцать часов было... Я это точно запомнил. В это время всякая нечисть появляется...

– В двенадцать часов?

– Да, в двенадцать... Мы на это время и договаривались с Тонькой... Э-э, ну не важно, кто там со мной был, – спохватился Молодов.

– Совершенно не важно, – кивнул Федор, хотя так не ду-

мал.

– И если бы не этот упырь...

– Упырь?

– Ну, а кто он еще, если нам помешал?..

– А еще кому он помешал? Кто на том берегу был? – Старостин кивнул в сторону пристани, где был убит Голиков. – Может, этот оборотень там кого-то увидел?

– Да нет, не было никого...

– Может, на пристани у Голиковых кто-то стоял?

– Нет, не видел...

– В двенадцать часов ночи это было?

– Ну да, в двенадцать...

– А в двенадцать четырнадцать вы уже плыли вверх по реке.

– Плыли.

– И ничего не видели.

– Я вперед смотрел.

– А ваша подруга?

– Ко мне она жалась и назад не смотрела...

– Но это не значит, что человек, которого вы видели, не мог напасть на Голикова.

– Не значит. Мог и напасть.

– Может, вы что-то видели у него в руке, ну, нож там или что-то вроде того?

– Темно было, ничего я не видел, только силуэт, и то смутный.

– Но то, что человек разделся, вы видели?

– Ну, судя по движениям да, раздевался...

Лодка пришвартовалась к берегу, и Старостин, выскочив из нее, подошел к месту, где приблизительно стоял подозрительный купальщик. Молодов последовал за ним, обвел рукой пятачок, на котором тот раздевался.

Ничего там не было – ни оторванного шнурка, ни потерянной пуговицы, ни расчески, которая могла выпасть из кармана. Да если бы и нашлось что, уликой бы это не стало. Убийство в ночь на воскресенье произошло, а сейчас уже среда, за это время на пляже десятки человек перебивали. Вода еще холодная, но девушки загорать на пляж ходят и ножки помочить. Это сейчас на пляже пусто, потому что пасмурно, а вчера здесь были люди. Да и ночью сюда нередко влюбленные парочки заглядывают...

Нет, ничего интересного не найдет здесь Федор, но внимания достоин уже сам факт, что существовал неустановленный купальщик. В двенадцать часов он зашел в реку, переплыл ее и, возможно, вышел на участок Голиковых. В это время на пристани появился хозяин дома, и неизвестный напал на него.

Почему так случилось – это вопрос. Может, Голиков сделал замечание незнакомцу, когда увидел его, и тот ответил ему агрессией. Но чем убийца нанес смертельный удар? Если он просто купался, то у него не могло быть оружия. Что-то на берегу нашел? Возможно... А может, это была спла-

нированная акция, может, этот человек охотился именно за Голиковым. Но откуда он мог знать, что Александр Витальевич появится на пристани? Не мог он этого знать. А вдруг это был какой-то псих, которому все равно, кого «мочить»... Или, может, действительно оборотень? С одним-единственным и очень большим когтем, которым он и убил Голикова. А ведь большой коготь, в общем-то, подходил под описание орудия убийства. И заточенный он, и круглое сечение... Правда, на кривизну, которой обладал коготь, экспертиза не указывала. Но что, если это просто какой-то импровизированный коготь, возможно, из слоновой кости. А еще это могла быть имитация волчьего клыка.

– О чем задумались, капитан? – спросил Молодов.

– Да вот, вопрос у меня к вам. Почему вы никому не ска-
зали про этого человека?

– Почему не сказал? Вы спросили, я рассказал.

– Могли бы еще позавчера это сделать.

– А это что-то изменило бы?

– Не знаю, – пожал плечами Старостин.

– Вот видите... А потом, если бы я сразу сказал, вы бы
подумали, что я выгораживаю Надежду Максимовну...

– А еще я мог подумать, что вы придумали этого чело-
века. Вы же боялись, что я вас подозревать начну. – Федор
припомнил недавний разговор. – Может, не было никакого
человека? Может, это вы убили Голикова?

– Вот я и говорю, что вы можете так подумать, – развол-

новался Молодов. – Вы вот выяснили, что я не спал в эту ночь. И до Голикова мне рукой подать... Еще Тоньку начнете крутить, а у нее муж, зачем ей скандал?

– Ничего, я с ней аккуратно поговорю, никто ничего не узнает, – успокоил его Старостин.

– Так она вам ничего не скажет, – растерянno посмотрел на него Молодов.

– Скажет.

– Может, не надо ее сюда приплетать?

– Надо... Или вам не нужно алиби?

– Алиби?.. Ну да, это алиби... Но так алиби необходимо, когда подозревают. А вы же меня не подозреваете? – с опаской спросил Алексей Иннокентьевич.

– Ну, если поговорю с твоей Антониной, то нет... Муж у нее в Москве работает, да?

– В Москве.

– А лет ей сколько?

– Ну, тридцать шесть.

– Рыжие волосы, конопушки на носу?

– Ну да, есть немного...

– Зуб золотой.

– Точно... Я ей денег на стоматолога дал, чтобы фарфор себе вставила. Золото уже давно из моды вышло...

– Так у них там блатная романтика, – совсем невесело улыбнулся Старостин. – Брат у нее сидел. И муж сидел. И сама она веселую жизнь по молодости любила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.